

Munich Personal RePEc Archive

**Transplantation of economic institutions:
a post-institutional theory (expanded
version)**

Frolov, Daniil

Volgograd State Technical University

12 July 2021

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/108707/>
MPRA Paper No. 108707, posted 04 Aug 2021 12:05 UTC

Трансплантация экономических институтов: постинституциональная теория (развернутая версия)

Д. П. Фролов

Волгоградский государственный технический университет

Аннотация

Трансплантация институтов, то есть их копирование из одной страны в другую, относится к наиболее актуальным областям институционального анализа. При этом подавляющее большинство исследований трансплантации институтов базируется на наборе общих методологических принципов и теоретических позиций, которые можно обобщенно назвать «классической теорией». Несмотря на свою убедительность и широкое распространение (в том числе за пределами экономического дискурса), классическая теория трансплантации институтов имеет целый ряд встроенных методологических ограничений. Она носит выраженный односторонний характер, основывается на редукционистских подходах и испытывает проблемы с системным объяснением трансплантационных процессов в современной экономике. В статье представлена междисциплинарная исследовательская программа расширенной теории трансплантации институтов, основанная на методологиях постинституционализма. Особое внимание предлагается уделить трансплантациям «снизу», а также роли институтогенных сообществ – неоднородных сетей внутренних и внешних акторов трансплантируемых институтов. Адаптация трансплантируемого института к новой среде рассматривается в большей степени как активное преобразование среды его акторами (конструирование институциональной ниши). Возникающие у трансплантированных институтов отклонения от их иностранных прототипов интерпретируются как адаптивные рефункционализации, а не трансплантационные дисфункции. Специальный акцент делается на интерактивном коммуникационном поле, в котором развиваются трансплантируемые институты. В качестве результата трансплантации предлагается рассматривать не дихотомию успешной адаптации и отторжения нового института, а возникновение институционального ассамбляжа – сложной системы заимствованных и местных институтов, базирующейся на несводимых институциональных логиках. Ключевой метафорой расширенной теории является формирование рифогенных сообществ вокруг искусственных коралловых рифов.

Ключевые слова: трансплантация институтов; институты; институциональная среда; акторы; ассамбляжи; бриколаж; нарративы; дискурсы; конструирование ниши.

JEL: A12, B41, B52.

Transplantation of economic institutions: a post-institutional theory (expanded version)

D.P. Frolov

Volgograd State Technical University

Abstract

The transplantation of institutions, that is its copying from one country to another, is one of the most challenging areas of institutional economics. At the same time, the overwhelming majority of research on institutional transplantation is based on a set of general methodological principles and theoretical positions, which collectively might be termed the 'classical theory'. Despite its persuasiveness and wide distribution (including outside the economic discourse), the classical theory of institutional transplantation has many built-in methodological limitations. It has a pronounced one-sided character, is based on reductionist approaches, and has problems with a systemic explanation of transplant processes in the modern economy. The article presents an interdisciplinary research program for the extended theory of institutional transplantation, based on the methodologies of post-institutionalism. The extended theory proposes to pay special attention to bottom-up transplants, as well as the role of institution-based communities – heterogeneous networks of internal and external actors of transplanted institutions. Adaptation of a transplanted institution to the new environment is viewed more as an active transformation of the environment by actors (institutional niche construction). The deviations from foreign prototypes arising in transplanted institutions are interpreted as adaptive refunctionalizations rather than transplant failures. Special emphasis is placed on the interactive communication field in which transplanted institutions develop. As a result of transplantation, it is proposed to consider not the dichotomy of successful adaptation and rejection of a new institution, but the emergence of institutional assemblage – a complex system of borrowed and local institutions based on irreducible institutional logics. A key metaphor for the extended theory is the formation of reef communities around artificial coral reefs.

Keywords: transplantation of institutions; institutions; institutional environment; actors; assemblages; bricolage; narratives; discourses; niche construction.

JEL: A12, B41, B52.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271.

Введение: от классической теории трансплантации институтов – к расширенной

Трансплантация экономических институтов – одна из самых «долгоиграющих» тем в области институциональных исследований. Она многими десятилетиями сохраняет свою актуальность, вызывая все новые волны интереса¹. Начало этому направлению анализа было положено во второй половине XX века². С 1990-х годов формируется междисциплинарное

¹ В России, несмотря на преобладание антизападнической риторики среди политических элит, трансплантационные процессы идут достаточно активно: копируются как целые институты (в частности, институт регулятивных песочниц из Великобритании), так и отдельные нормы и практики регулирования, например, связанные с пандемией COVID-19 – режим локдауна, прямые выплаты гражданам и др.

² Теория правовых трансплантатов возникла в области сравнительного права (Watson, 1974) и базировалась на понятии трансплантации права, впервые использованном в юридическом дискурсе еще в 1920-х годах (Walton, 1927). В политологии термин «институциональный трансфер» появился в исследовании трансплантации в Гану британских институтов парламентской демократии (Apter, 1955). В экономической науке первые работы по институциональным трансплантациям относятся к 1960-м годам (Spitz,

множество перекликающихся концепций, связанных с институциональной трансплантацией и трансфером, импортом институтов, их диффузией и имитацией, циркуляцией норм, трансплантацией права и правовым смешиванием (*legal mixing*), мобильностью, мутациями, путешествиями и переводом политики (*policy travel / translation*), извлечением уроков (*lesson drawing*), институциональным и политическим обучением и т.д. (см. обзоры: De Jong et al., 2002; Evans, 2010; Frankenberg, 2010; Hadjiisky et al., 2017; Delcour, Tulmets, 2019; Porto de Oliveira, 2021). Фоном разворачивания исследований в этих направлениях стала критика идеологии Вашингтонского консенсуса с его универсалистскими рекомендациями и игнорированием роли местных институтов. Тем не менее, и в первых десятилетиях XXI века, несмотря на смену риторики и отказ от основных принципов Вашингтонского консенсуса, ведущие глобальные организации и площадки продолжали курс на трансплантацию развивающимися странами институтов англо-американского типа (см. критику данного курса в: Rodrik, 2008; Chang, 2011). Кристаллизованное выражение эти идеи получили в содержательно близких теориях порядков открытого доступа и инклюзивных институтов (North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2012). Такие институты и порядки позиционируются фактически (хотя и с оговорками)³ как универсальные рецепты экономического роста для любых стран, проблема же состоит лишь в определении способа их бережной трансплантации. Полемика вокруг данной теоретической линии и, в частности, ее массивная критика отражает новый виток роста внимания к проблематике трансплантации институтов⁴.

Так или иначе, в основе всего этого широкого фронта исследований лежит набор методологических принципов и теоретических положений, который, с известной долей условности, обобщенно можно назвать классической теорией трансплантации институтов (далее – *классическая теория*). Вкратце суть классической теории состоит в следующем. Трансплантация институтов рассматривается как копирование формальных правил и механизмов инфорсmenta, то есть нормативно-правового «каркаса» эталонных институтов, доказавших свою высокую эффективность в другой стране (странах). Речь идет, безусловно, не о наивном копировании методом шоковой терапии; трансплантация (в идеале) должна проводиться в логике

1966; Whyte, 1968), а на рубеже XX-XXI веков появились первые диссертация и монография в этой области (De Jong, 1999; De Jong et al., 2002). В России наибольшую известность получили пионерные работы В. Полтеровича (2001; 2007).

³ Так, неохотно признается, что эталонные «правильные» институты неэффективны для стран, экономики которых далеки от технологического фронта (Acemoglu et al., 2006. Р. 63-65), то есть, добавим, для абсолютного большинства развивающихся стран.

⁴ См., например, работы российских экономистов: Капелюшников, 2019; Бугалин, Колганов, 2019; Шаститко, 2019. В целом, круг основных аргументов против трансплантации эталонных институтов «в готовом виде» сложился в ходе многолетней критики идей европоцентризма и, шире, западно-центричных трактовок общественного развития, построенных на упрощенном понимании концепции культурной диффузии (см. о ней подробнее: McNeill, 2009).

проектного управления, поэтапно и вариативно (не в едином формате), начинаясь с экспериментов (пилотных проектов) и продолжаясь путем выстраивания траектории промежуточных институтов⁵. Результатом трансплантации является воссоздание копируемого института в виде, максимально приближенном к его реальному состоянию (то есть не к нормативно-правовой форме, а к функциональному содержанию) в стране происхождения. Трансплантируемый институт адаптируется к новой институциональной среде (в первую очередь к неформальным институтам)⁶, следствием чего часто становятся дисфункциональные проявления – провалы, разрывы, мутации, атрофия, перерождение и т.д.⁷, – собираемые трансплантационным эффектом (transplant effect; см.: Berkowitz et al., 2003; Seidler, 2014). Среда выступает главным фактором отбора и успешной адаптации нового института: критическую роль при этом играют схожие неформальные нормы и, в целом, культурная близость страны-донора и страны-реципиента⁸. В случаях трансплантации институтов из развитых стран в развивающиеся дисфункции встречаются повсеместно⁹. Их предотвращение или, как минимум, сокращение негативных последствий от них является важнейшей задачей, решаемой в ходе трансплантаций. Государство рассматривается в качестве главного актора трансплантации институтов. При этом особое значение имеют независимая экспертиза и общественный контроль реформ во избежание риска захвата и подчинения скопированных институтов группами интересов. Эмпирическую базу классической теории в основном составляют случаи достаточно крупных институциональных трансплантаций, проводившихся под патронажем государства¹⁰. Конечно, классическая теория не является полностью

⁵ «Постепенность дает возможность населению приспособиться к новым правилам, а правительствам – вовремя обнаружить ошибки и своевременно исправить их, минимизировав ущерб» (Даниелян, Полтерович, 2019. С. 190).

⁶ Главный упрек теории инклюзивных институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона – приуменьшение роли неформальных институтов и, в целом, культуры стран-реципиентов.

⁷ Например, в России институт банкротства применялся для маскировки рейдерских захватов бизнеса, институт благотворительности – для легализации коррупционных доходов, а институт корпоративной социальной ответственности – для прикрытия незаконных сборов с предпринимателей региональными властями.

⁸ «Международный трансфер социальных механизмов с большей вероятностью будет успешным, если общие социальные условия в передающей и целевой странах схожи» (Eggertsson, 2010. P. 724).

⁹ Поэтому стратегия имитации передовых институтов развивающимися странами постоянно подвергалась и подвергается критике: об этом институционалисты писали еще в 1960-х годах (см.: Whyte, 1968). В принципе, сложился консенсус о том, что типовой, универсалистский подход к трансплантации институтов неэффективен. И все же эталонные институты продолжают активно копироваться в надежде на возможность их воссоздания в оригинальном виде.

¹⁰ М. де Йонг и В. Мамаду в первой монографии по трансплантации экономических институтов отмечали, что в фокусе их внимания находятся процессы копирования институтов государствами (государственными органами), хотя аналогичные процессы наблюдаются и в частном секторе. В качестве примера они приводили трансплантацию в

согласованным и унифицированным исследовательским полем; здесь мы фиксируем наиболее распространенные позиции, конвенционально разделяемые большинством работающих в этой области ученых.

Сделаем терминологическое уточнение. Мы используем термин «*трансплантация институтов*» как *зонтичный метатермин*, который обобщает многочисленные частные термины, применяемые для описания международного движения институтов, но менее распространенные или содержательно более узкие (такие как трансфер институтов, их импорт, копирование, диффузия, имитация, мобильность, смешивание, институциональное обучение и т.д.). Это не означает принципиального отказа от их употребления, однако комплексный анализ исследовательского поля стимулирует к задействованию максимально «вместительного» и наиболее широко используемого термина. Связанные с указанными частными терминами направления исследований различаются своими акцентировками, методами, научными традициями и т.д., но в целом они образуют единое (хотя и неоднородное) поле. К тому же метафорой трансплантации явно или неявно оперируют практически все исследователи в данной области¹¹.

Классическая теория, несмотря на ее широкое распространение, не свободна от внутренних проблем, которые вызваны не изначальной некорректностью ее методологических установок, а их обнаружившейся ограниченностью в контексте очередного витка быстрого качественного усложнения экономических институтов и всей социальной реальности¹². Многие позиции классической теории в современных условиях оказываются односторонними или излишне упрощенными. Это позволяет нам поставить вопрос о переходе к расширенной теории трансплантации институтов (далее – *расширенная теория*). В расширенной теории акцент делается на тех аспектах трансплантационных процессов, которые классическая теория традиционно недооценивает или игнорирует, что позволяет ввести набор дополнительных объясняющих факторов. В предлагаемом авторском варианте расширенной теории ее основу составляет комплекс сложностно-ориентированных подходов, относящихся к методологическому арсеналу *постинституционализма* (см. подробнее: Фролов, 2020а; Frolov, 2021). Постинституционализм объединяет альтернативные линии теоретизирования

США японских институтов организации производства (De Jong, Mamadouh, 2002. P. 20), но специально его не анализировали. Этот пример будет рассматриваться нами далее.

¹¹ О распространенности термина «трансплантация» можно судить хотя бы по тому, что в ведущем мировом издании по институциональной экономике «Journal of Institutional Economics» во всех статьях, рассматривающих вопросы переноса институтов из одних стран в другие, всегда используется «трансплантационная» терминология – *institutional transplantation, transplant effect, institutional transplant, transplanted institutions* и т.д. (см., например: Couyoumdjian, 2012; Voigt, 2013; Buchanan et al., 2014; Yoo, Steckel, 2016; Seidler, 2014, 2018; Chong, Gradstein, 2018).

¹² Так, интенсивные международные трансплантации институциональных решений в условиях пандемии COVID-19 «обнажили» значительно возросшую сложность этих процессов (см.: Zaki, Wayenberg, 2020; Ladi, Tsarouhas, 2020).

об институтах, выходящие за рамки современного институционального мейнстрима в область междисциплинарных исследований институциональной сложности¹³. При этом новый институционализм критикуется постинституционалистами за встроенный редукционизм и механицизм, в том числе за сведение институтов к «правилам игры», оценку их эффективности по единственному критерию минимизации транзакционных издержек и явный акцент на рациональном дизайне институциональных механизмов. Но постинституционалистов не устраивает и методология оригинального (традиционного) институционализма с ее холистической прямолинейностью и экстерналистским (отводящим среде главную роль в отборе) взглядом на экономическую эволюцию. Постинституционализм нацелен на разработку методологий изучения институциональной сложности, отказываясь от упрощенных односторонних представлений об институциональных процессах и стремясь к преодолению привычных дихотомий типа система – среда или макро – микро («правила игры» – «игроки»).

Сравнительный анализ классической и расширенной теорий институциональной трансплантации приведен в таблице 1. Подчеркнем: это первая, рамочная версия расширенной теории, открытая изменениям и дополнениям.

Таблица 1

Сравнение классической и расширенной теорий трансплантации институтов

Объект сравнения	Классическая теория	Расширенная теория
Ключевая метафора	Пересадка органов	Формирование рифогенных сообществ вокруг искусственных коралловых рифов
Трактовка институтов	Институты как формальные правила и неформальные нормы поведения, поддерживаемые механизмами инфорсmenta	Институты как комбинации разнотипных факторов – норм и правил, социальных практик и рутин, статусных функций, организационных форм, общих ментальных моделей
Актеры	Государство, институциональные предприниматели	Неоднородная сеть внутренних и внешних по отношению к трансплантируемому институту

¹³ Постинституционализм был создан Ф. Кливер и ее научной школой в начале 2000-х гг. Он развивал теоретические идеи Э. Остром: в частности, ее теория крафтинга институтов легла в основу теории институционального бриколажа, которая в раннем постинституционализме занимала центральное место (Cleaver, 2001). Изначально постинституционализм позиционировался в качестве методологической альтернативы институциональному мейнстриму в области управления общими ресурсами (Cleaver, Franks, 2005). В дальнейшем методологические амбиции постинституционализма снизились, его предметное поле ограничилось экономикой природопользования, а сам он был переименован в критический институционализм (Cleaver, 2012; Cleaver, Whaley, 2018). Мы настаиваем на необходимости дальнейшего развития *широкой программы постинституционализма*.

		актеров, прямо или косвенно связанных с ним интересами и/или ценностями
Взаимодействие со средой	Институты адаптируются к среде	Институты не только адаптируются к среде, но и преобразуют ее за счет конструирования ниш акторами
Основная модель трансплантации	Трансплантация «сверху» (под эгидой государства)	Трансплантация «снизу» (частные институциональные инициативы), смешанная (государственно-частная) модель
Сфера трансплантации	Государственный сектор	Государственный сектор, частный сектор, местное самоуправление
Ориентация во времени	Path dependence (акцент на зависимости от траектории прошлого развития)	Path creation (акцент на формировании новых траекторий развития в будущем)
Восприятие отклонений от эталонного института	Нозоцентричный подход (отклонения как трансплантационные дисфункции)	Нормоцентричный подход (отклонения как «индивидуальные» траектории развития и результаты рефункционализаций)
Результат трансплантации	Адаптация нового института или его отторжение	Институциональные ассамбляжи – неоднородные, внутренне противоречивые системы заимствованных и местных институтов, базирующиеся на несводимых институциональных логиках
Роль коммуникаций	Коммуникации не имеют значения	Скопированные институты развиваются в интерактивном коммуникационном поле, которое значимо влияет на ход трансплантации

Расширенная теория необходима для того, чтобы изучать трансплантации экономических институтов в их реальной сложности, избегая редуccionистских подходов. Именно поэтому расширенная теория носит выраженный междисциплинарный характер, представляя собой интегративную концептуальную и методологическую рамку изучения трансплантационных процессов разного типа и масштаба. Задача объединения различных дисциплинарных традиций анализа трансплантаций институтов как никогда важна. Сейчас центр активности сместился из экономики и юридической науки в исследования регулятивной политики (policy studies), международные отношения и экономическую географию, где развиваются и тестируются новые методологии. Изучаемые этими дисциплинами вопросы в области институциональных трансплантаций сильно пересекаются и их разграничение – это не более, чем условность¹⁴. Например, копирование инструментов или моделей зарубежной

¹⁴ В юридическом сообществе также начинается обсуждение междисциплинарной парадигмы трансплантации норм права (Delcour, Tulmets, 2019; Goldbach, 2019).

регулятивной политики неизбежно ведет к изменению соответствующих институтов страны-реципиента как объектов регулирования. Так, реформа семейной политики ФРГ в 2000-х годах в значительной степени основывалась на заимствовании скандинавской модели семьи и элементов «мягкого» права Евросоюза. Ее результатом стала трансформация германского института семьи, который до этого имел выраженный патриархальный характер (Windwehr, Fischer, 2021). Имеет ли смысл разделение исследований трансплантаций собственно институтов и регулирующих их политик – вопрос по большей части риторический, тем более, что обычно речь идет о переносе моделей политики (policy models; см.: Pal, 2014; Porto de Oliveira, 2020), а они явно представляют собой институциональные конструкции. Однако для классической теории это разграничение, основанное на конвенционально проведенных границах между дисциплинами, имеет значение. В расширенной же теории от искусственного разделения трансплантации институтов и регулятивных политик предлагается решительно отказаться.

Игнорирование массы факторов, которые важны для успеха (или неудачи) трансплантаций институтов, – следствие завышенных междисциплинарных барьеров, которыми представители классической теории постепенно себя окружили. Поэтому, несмотря на встроенные и порой глубокие различия разных дисциплинарных направлений изучения институциональных трансплантаций, задача наведения концептуального моста между ними для расширенной теории является приоритетной¹⁵. Не отрицание наследия классической теории, а междисциплинарное приращение ее предметного поля и инструментария – такова логика расширенной теории. Формирование расширенной теории важно еще и в связи с фрагментированностью сложившихся частных теорий, объясняющих трансплантации институтов в разных дисциплинах. Попытки построить единую методологическую рамку на основе одной из таких теорий непродуктивны из-за неизбежного сужения предмета и метода. На наш взгляд, нужна гораздо более широкая концептуальная рамка, интегрирующая и обобщающая частные теории трансплантации институтов.

Далее рассмотрим основные методологические позиции расширенной теории трансплантации экономических институтов в ее авторской версии. Прежде всего, представим новую метафору – заселение искусственных коралловых рифов, – которая предлагается в качестве альтернативы метафоре пересадки органов. Затем наметим главные, на наш взгляд, направления перехода от метафоры к рамочной междисциплинарной теории, расширяющей предметную область и методологию классической теории трансплантации институтов. Во-первых, предложим комбинаторную

¹⁵ Объединительная логика расширенной теории в этом смысле «перекликается» с идеями общего социального анализа (Полтерович, 2011), но не в его экстремально унифицированных версиях. Внутреннее разнообразие и даже некоторая эклектичность методологии – важная черта идентичности расширенной теории.

трактовку институтов и свяжем ее с концепцией институциональных логик, что позволит выйти за узкие рамки «канонического» определения институтов как «правил игры». Во-вторых, раскроем роль институтогенных (связанных с институтами) сообществ акторов в современных трансплантационных процессах, что позволит реалистично переосмыслить (в сторону понижения) значимость политических элит и институциональных предпринимателей. В-третьих, рассмотрим концепцию конструирования ниш трансплантируемых институтов, объясняющую их активную адаптацию к новой среде посредством ее (среды) реконструирования, а также покажем связь этой концепции с исследованиями в области «заселения» институтов, институциональной работы и бриколажа. В-четвертых, продемонстрируем критическую важность коммуникаций в трансплантациях, что требует развития исследований коммуникационного конструирования институтов, в том числе посредством нарративов, образов и дискурсов. В-пятых, оценим возможности анализа трансплантационных процессов с точки зрения концепций ассамбляжа и рефункционализации, акцентирующих высокую специфичность траекторий развития трансплантируемых институтов, их гетерогенность и постоянные содержательные пересборки.

Метафора кораллового рифа

Чем плоха ключевая для классической теории метафора пересадки органов? Как и любая научная метафора – теми акцентами, которые она расставляет¹⁶. Это, во-первых, однонаправленность процесса трансплантации, во-вторых, идентичность пересаживаемых органов, в-третьих, имплицитная фокусировка на отторжении трансплантатов.

Хирургическая операция по трансплантации органа – процесс односторонний, участие реципиента в нем исключительно пассивное (его иммунитет даже специально подавляется), а органы донора и реципиента идентичны, в связи с чем главная цель состоит в том, чтобы пересаженный орган прижился, то есть стабильно, без дисфункций «заработал» в новом организме. Напротив, успешная трансплантация институтов – это всегда интерактивный и мультисубъектный процесс, в ходе которого разнообразные акторы экономики-реципиента активно участвуют в адаптации нового института. Причем перенесенный в новую среду институт неизбежно отличается от своего эталонного образца¹⁷, а его расхождения с оригиналом чаще всего имеют адаптивный характер. В этом смысле трансплантационная

¹⁶ В строгом смысле все термины, которые описывают международное движение институтов, являются метафорами. Скажем, институциональное / политическое обучение уподобляет институциональные процессы образовательным, рассматривая их в терминах учителей, обучающихся и извлеченных уроков (Goyal, Howlett, 2019. P. 269), а трансфер институтов основывается на аналогии с транспортными перевозками.

¹⁷ Это отмечалось и критиками теории трансплантации правовых институтов. По их мнению, «хирургическая» метафора способствует недооценке встроенности институтов в общую правовую культуру общества (см., например: Legrand, 2001).

метафора задает довольно искаженные ориентиры и для исследователей, и для политиков¹⁸.

Метафора трансплантации вызывает вполне конкретные негативные ассоциации: «Трансплантированные институты часто “не приживаются” или “болеют”» (Полтерович, 2001. С. 25), а «попытки экспортировать институты из одной страны в другую и легитимизировать их в последней часто неудачны, как и трансплантация органов» (Эггертссон, 2011. С. 6)¹⁹. Как следствие, реакция отторжения трансплантированных институтов выдвигается на передний план и неявно создается впечатление, что это наиболее распространенный «ответ» со стороны экономики-реципиента²⁰. В реальности отторжение институтов и их серьезные дисфункции наблюдаются в достаточно ограниченном классе случаев. Это практически всегда случаи плохо подготовленного и излишне быстрого переноса сложных институтов слаборазвитыми странами из высокоразвитых. Такой формат институциональных реформ уже давно вызывает негативные оценки экспертов и в мировой практике используется все реже. Вообще говоря, трансплантационная аналогия фокусирует внимание на централизованных изменениях, оставляя в стороне постоянно происходящие горизонтальные взаимодействия институциональных систем, свободный обмен институтами в разных сферах экономики и общественной жизни. В экономической и социальной истории гораздо больше распространены случаи успешного заимствования институтов, хотя они преимущественно относятся к

¹⁸ Иногда в качестве альтернативы трансплантации используется метафора выращивания институтов (впервые она была предложена в работе: Olsen, 2000), в соответствии с которой «реформаторы должны быть не инженерами или импортерами, отыскивающими лучшие мировые практики, а садовниками» (Кузьминов и др., 2005. С. 8). Эта метафора хороша сдвигом акцента на длительные, инкрементные изменения «пересаженного» института и на его культивирование, то есть создание благоприятных условий и ресурсное обеспечение. Но есть три сдерживающих момента. Первое: метафора выращивания сохраняет фокусировку на государстве, только фигуру хирурга сменяет садовник. Второе: в хирургии трансплантация включает не только саму операцию, но и реабилитационный период, во время которого собственно и происходит приживание пересаженного органа. В этом смысле данная метафора имплицитно содержит в себе и постепенность, и создание условий оптимальной адаптации. В-третьих, рассуждая о культивировании новых институтов из иностранного «посадочного материала» (Там же. С. 17), не стоит забывать, что этот материал задает жесткие ограничения. Нельзя посадить яблоню, а вырастить грушу или даже яблоню другого вида. Таким образом, выращивание с точки зрения метафорической продуктивности ничем не превосходит трансплантацию.

¹⁹ В разнообразной терминологии, описывающей перенос институтов из одних стран в другие (импорт, трансфер, имитация, диффузия и т.д.), понятие трансплантации наиболее часто связывается именно с неадаптивным и неудачным заимствованием (Seidler, 2014. P. 372).

²⁰ Интересно, что в исследованиях международной мобильности регулятивных практик наоборот преобладает уклон в сторону успешных примеров (success bias), а случаи неудач практически не изучаются (Lovell, 2019). Возможно, это как раз следствие неиспользования трансплантационной метафоры. Хотя метафора мобильности в свою очередь вносит не всегда корректный акцент на легкости перемещения практик между странами (Stein et al., 2017. P. 38).

инкрементным изменениям, модификациям, улучшающим инновациям, внедрению лучших практик²¹. К таким случаям метафора трансплантации не вполне применима, т.к. никаких болезненных реакций (отторжения или дисфункций) практически не наблюдается. Сама концентрация на негативных аспектах копирования институтов, задаваемая «хирургической» метафорой, подталкивает исследователей к выбору определенного класса институциональных трансплантаций – радикальных и по большей части неудачных. Уточним, что отказываясь от «хирургической» метафоры мы продолжаем применять термин «трансплантация институтов» как получивший наибольшее распространение и не требующий уточнений, однако используем данный термин *исключительно нейтрально*, не вкладывая в него ассоциации с пересадкой органов²².

В расширенной теории предлагается использовать *новую метафору – искусственные коралловые рифы, вокруг которых формируются рифогенные сообщества*. Поскольку под влиянием антропогенных факторов площадь естественных рифов неуклонно сокращается, получает все большее распространение практика затопления различных конструкций в качестве каркасов для последующего образования искусственных рифов. Важно, что «рифогенное сообщество – сложная экосистема» (Заварзин, Рожнов, 2011. С. 8), развивающаяся во взаимодействии разнообразных растений (бентосных водорослей и т.д.) и организмов – губок, моллюсков, червей, иглокожих, ракообразных, рыб. Все они выполняют взаимосвязанные функции в развитии рифовых экосистем. Основой для искусственных рифов являются технологические объекты: списанные и затопленные суда, вагоны, военная и бытовая техника, старые автомобили и крыши, бетонные сооружения, специальные 3D-напечатанные модели и т.д. Постепенно эти искусственные конструкции «присваиваются» и колонизируются (обживаются) морскими обитателями – обрастают водорослями и заселяются беспозвоночными, вокруг них возникают динамичные скопления рыб, расширяются межвидовые взаимодействия в формах конкуренции и симбиоза, образуется сложная пищевая сеть. Спустя некоторое время на искусственном рифе формируется рифогенное сообщество с высокой плотностью и богатым видовым разнообразием (см.: Burt et al., 2009; Paxton et al., 2019).

Метафора искусственных рифов делает акценты на заселении, освоении, модификациях, взаимодействиях, становлении экосистемы. Это позволяет расширить предмет анализа классической теории трансплантации институтов, перенести внимание на активную роль самых разных (не только

²¹ Поэтому «большинство институтов во всех государствах мира возникли преимущественно путем трансплантации» (Полтерович, Старков, 2005. С. 6), но, добавим, не путем трансплантации «сверху».

²² Похожая ситуация сложилась в области исследований науки и технологий (science and technology studies), где современные ученые вынужденно используют устоявшийся термин «трансфер технологий / инноваций», но в нейтральном смысле, игнорируя непродуктивную аналогию с транспортным трансфером и следующую из нее линейную модель инноваций (Flink, Kaldewey, 2018).

элитных или наиболее мощных) групп акторов в адаптации трансплантатов к новой среде. Центральное место в расширенной теории занимают не статичные институциональные каркасы, перемещаемые из одних стран в другие, а *институты, пересобираемые своими сообществами*, или даже точнее – сообщества акторов, динамично пересобирающие в новой среде трансплантированные институты, рекомбинируя их элементы и дополняя их новыми. Показательно, что Т. Веблен ставил в пример экономистам своего времени морских биологов, которые «перенаправили свои исследования со структуры коралловых рифов на структуру и образы жизни полипов, живущих на них и рядом с ними» (Veblen, 1898. P. 384). Аналогичный шаг предлагает сделать и расширенная теория. В терминах рифовой метафоры классическая теория (в нормативном смысле) сконцентрирована на том, чтобы сделать искусственный риф максимально похожим на настоящий и затопить его в выбранном месте²³, а расширенная теория – на его последующем обживании и развитии рифогенного сообщества. Таким образом, метафора рифа связывает классическую и расширенную теории, демонстрируя, что расширенная теория трансплантации институтов не отвергает классическую теорию, она достраивает ее новыми аналитическими фокусировками и теоретическими подходами.

Институциональные комбинации и логики

В классической теории трансплантации институты понимаются тоже классически, как формальные и неформальные нормы поведения (в связке с механизмами инфорсменты), выступающие «правилами игры» для экономических акторов – индивидов и организаций²⁴. В свою очередь расширенная теория исходит из расширенной (комбинаторной) трактовки: институты – это неосязаемые социальные факторы упорядочения человеческой деятельности; при этом *институты представляют собой комбинации разнотипных факторов, лишь одним из которых являются правила*. Можно выделить как минимум пять основных типов таких факторов (их обычно также называют институтами)²⁵ – *нормативные* (нормы и

²³ Успешная колонизация искусственного рифа требует тщательного учета географической и биологической специфики соответствующего участка акватории, продуманного подбора материала и структуры рифового «каркаса»: универсалистские решения здесь неприемлемы (Raxton et al., 2020), как и при трансплантации институтов.

²⁴ «Под институтом обычно понимают совокупность норм, образующих определенную целостность» (Полтерович, 2007. С. 51) или институциональный комплекс, состоящий из формальных и неформальных норм (De Jong, Mamadouh, 2002. P. 22). Эти нормы тесно переплетены и комплементарны (Кузьминов и др., 2005. С. 9), поэтому «не следует смешивать трансплантацию института и имитацию формальных правил, обеспечивающих его функционирование» (Полтерович, 2001. С. 47).

²⁵ Редукционистские трактовки (и построенные на них теории) институтов, получившие большое влияние в социальных науках, С. Миллер верно называет атомистическими (Miller, 2019), то есть сводящими сложные социальные формы, которыми и являются институты, к их отдельным элементам.

правила с механизмами инфорсменты), *поведенческие* (типовые модели поведения: социальные практики, рутины и др.), *когнитивные* (общие ментальные модели: коллективные представления, убеждения, нарративы, дискурсы и др.), *статусно-функциональные* (статусные функции с деонтической логикой, лежащие в основе социальных идентичностей и ролей, прав и обязательств)²⁶, *структурные* (модельные организационные формы, задающие организациям типовые схемы разделения и кооперации труда, форматы распределения власти, принципы управления и коммуникации и другие институциональные черты). Безусловно, каждый из этих типов институтов может изучаться в отдельности, но при этом важно понимать, что в реальности они действуют только совместно, как гетерогенная институциональная комбинация²⁷. Такая расширительная трактовка расходится с «каноническим» (точнее, редукционистским) пониманием институтов в мейнстримной институциональной экономике. Исследователи трансплантаций, как и институционалисты в целом, не должны «зацикливаться» на одной из типичных форм проявления институтов в ущерб изучению других и осмыслению взаимосвязи этих форм.

С точки зрения расширенной теории трансплантируются не отдельные правила и даже не их наборы, а *институциональные комбинации* – комплексы взаимосвязанных институциональных факторов разного типа. Комбинаторное понимание институтов позволяет высветить те аспекты трансплантаций, которые в классической теории не привлекали особого внимания. Так, формирование когнитивных институтов неотделимо от интерпретаций и коммуникаций, которые классическая теория обычно игнорировала. Поведенческие институты определяют конкретные способы использования трансплантированных нормативных структур через сопряженные с ними социальные практики и рутины, в том числе связанные с обходом новых правил и институциональным экспериментированием²⁸. Классическая теория всегда оставляла их глубоко в тени изучения самих правил, рассматривая формирование новых паттернов мышления и поведения как неуправляемый, стихийный процесс, на который

²⁶ Эта влиятельная традиция в понимании институтов восходит к Дж. Серлу (2007).

²⁷ Подробнее о комбинаторной концепции институтов см. в: Фролов, 2020а. Близкую по духу (но более узкую) интегративную трактовку предложил А. Грейф, согласно которому «институты не являются монолитными образованиями, а состоят из взаимосвязанных, но разных компонентов, в частности, правил, убеждений и норм» (Грейф, 2013. С. 39). Альтернативное расширенное определение дал Р. Скотт: «Институты включают регулятивные, нормативные и культурно-когнитивные элементы» (Scott, 2014. Р. 56). Есть и другие примеры: так, Дж. Марч и Й. Олсен рассматривали институты как правила, однако сами правила трактовали расширительно – относя к ним рутины, процедуры, конвенции, роли, стратегии, организационные формы, убеждения, коды и др. (March, Olsen, 1989).

²⁸ Новые институционалисты чаще всего недооценивают роль поведенческих практик, рутин, привычек и вообще тех локальных процессов, которые происходят «на местах» внедрения трансплантируемых институтов (Burchardt, Swidler, 2020). Их внимание больше обращено на уже сложившиеся формальные и неформальные нормы.

проектировщики трансплантации никак не могут повлиять. Кроме того, расширенная теория акцентирует внимание на том, что трансплантация институтов – процесс неизбежно запутанный и многоитерационный. В удачных случаях трансплантируется большая часть исходной комбинации институциональных факторов, а многие ее элементы (не только неформальные нормы) поступательно «достраиваются» акторами уже на новом месте. Это связанные с заимствованным институтом организационные формы, практики действий и взаимодействий, статусы и роли акторов, коллективные представления и нарративы и др., то есть все то, что отличает «прижившийся» институт от его иностранного аналога. Но специального внимания в трансплантационной литературе им обычно не уделяется: «правила игры» заслоняют всю «игру».

Трансплантируемые институты – это, образно говоря, не конечные, а промежуточные продукты, которые нуждаются в содержательной доработке и перекомплектации. Институты не герметичны, а погружены в среду и подвергаются многосторонним воздействиям. Поэтому в ходе адаптации трансплантированного института к новой среде всегда возникает уникальная комбинация институциональных факторов, которая постоянно дополняется и рекомбинируется. В случае сложных институтов такая комбинация уже изначально представляет собой неоднородный и часто противоречивый набор элементов, выбор из которого перед стартом трансплантации часто осуществляется на основе избирательного подхода²⁹. В результате конкретные институциональные комбинации практически любых копируемых институтов значительно различаются в разных странах уже в начале трансплантационного процесса. Однако в основе этой комбинаторной динамики лежит наиболее статичная часть любого института, его логика. *Институциональная логика* – это набор фундаментальных ценностей, представлений и принципов, конституирующих идентичность института³⁰. На базе одной логики могут сложиться разнообразные институциональные комбинации, отражающие особенности взаимовлияния данного института, его акторов и среды. Логика – это «ядро» однотипных институтов, в концентрированной форме воплощающее их суть и объединяющее их акторов. Институциональные логики в совокупности с базирующимися на них институтами образуют социальные порядки различных областей экономической деятельности, поэтому трансплантация любого элемента конкретного социального порядка неизбежно предполагает трансплантацию соответствующей логики. Трансплантация институтов – внешняя форма трансплантации институциональных логик.

²⁹ См., например, описание начального этапа трансплантации нового государственного менеджмента в: Pollitt et al., 2007.

³⁰ Это авторская интерпретация данного понятия. Обзор терминологических дискуссий в теории институциональных логик см. в работах: Thornton et al., 2012, 2015.

Примером внутренней сложности институциональных трансплантаций является семейство микроэкономических институтов³¹ гибкого управления бизнес-процессами. Речь идет о так называемых agile-методологиях (или, более точно, agile-институтах) типа scrum, kanban, leagile и др., которые получили глобальное распространение и применяются в самых разных сферах деятельности (Gunasekaran et al., 2019). В институциональную комбинацию agile входят: нормативные институты – руководства по внедрению и применению гибких методологий управления; поведенческие – лучшие практики использования agile, а также система их интерактивного обсуждения и коррекции (форумы, группы в социальных сетях и др.); когнитивные – общие ценности, принципы и убеждения («философия agile»); структурные – типовые форматы организации (например, система команд, спринтов, совещаний и артефактов в scrum), а также формирующиеся на основе agile-институтов коллаборативные сети совместного производства; статусно-функциональные – комплекс ролей и профессий (мастера, владельцы продуктов, разработчики, кураторы и руководители проектов, тренеры, эксперты, консультанты и т.д.). При этом agile-институты – это не статичный комплект правил и практик, который внедряется без изменений и затруднений. Напротив, неизменной остается только институциональная логика гибкого управления, т.е. набор его основополагающих принципов и ценностей, тогда как конкретные институциональные комбинации значительно различаются в разных отраслях и организациях (см.: Tipp, Armstrong, 2018), чаще всего воплощаясь в разнообразных гибридных моделях (Zasa et al., 2021). Причем значительно различаются и стратегии трансплантации, и конкретные итоговые формы agile-институтов (Julian et al., 2019).

Другой пример – трансплантация по всему миру мезоэкономических институтов нового урбанизма, человеко-центричной модели развития городской среды во взаимодействии с горожанами³². Институциональная комбинация нового урбанизма включает: нормативные институты – принципы и правила стратегического мастер-планирования, дизайна городской среды, вовлечения горожан в принятие стратегически значимых решений; поведенческие – социальные практики городского активизма, краудсорсинга, инклюзивного развития, пеших прогулок и использования

³¹ Подчеркнем: если классическая теория сфокусирована преимущественно на трансплантациях макроинститутов, то расширенная теория рассматривает все масштабы трансплантационных процессов, не придавая какому-либо из них привилегированного статуса.

³² Важнейшие практические идеи нового урбанизма – реализация «права на город» через расширение участия горожан в стратегических процессах, стимулирование активных соседских взаимодействий, поощрение самостоятельного благоустройства городской среды; развитие общественных пространств, пешеходной инфраструктуры, общественного и велосипедного транспорта; смешанная квартальная застройка и устранение излишней мобильности; формирование комфортной для жизни, «зеленой», безбарьерной среды (см. подробнее: Talen, 2019; Mehaffy, Haas, 2020).

велосипедов и др.; когнитивные – ценности и постулаты идеологии нового урбанизма³³; структурные – горизонтальные модели организации взаимодействий различных городских сообществ; статусно-функциональные – набор профессий и социальных ролей, связанных с городским планированием, дизайном, аналитикой, управлением проектами и событиями и т.д. Все блоки неурбанистических институтов взаимосвязаны, поэтому игнорирование любого блока трансплантируемой комбинации ведет к сбою трансплантации³⁴. Однако конкретное «наполнение» этих блоков зависит от направленности действий сообщества акторов-реципиентов, с чем и связана высокая вариативность институциональных форм нового урбанизма в разных странах и даже разных городах (см.: Moore, Trudeau, 2020). Новый урбанизм внедряется именно как институциональная логика, на основе которой в разных средах собираются специфические комбинации. Так, этноурбанизмы (ethnurbanisms) возникли как переосмысленные и рекомбинированные варианты институтов неурбанизма с позиций культурных ценностей и социальных норм латиноамериканцев, афроамериканцев и др. (см.: Irazábal, 2012). В любых городах мира внедрение институтов нового урбанизма требует значительных институциональных активностей, поскольку конфигурация продолжает пересобираться в течение длительного времени после трансплантации (см.: Moore, 2013). Это не просто копирование лучших практик, которое обычно представляется как легкий и беззатратный процесс, что затемняет сложности социального укоренения новых институтов. Поэтому далее *под трансплантацией институтов будем подразумевать копирование институциональных комбинаций и их пересборку «на местах».*

Анализ трансплантаций с точки зрения логик концентрируется не на институтах, а на их «популяциях», объединенных общими логиками. Это позволяет увидеть каким образом в сложных институциональных системах, с одной стороны, происходит размывание границ между логиками, ведя к их гибридизации, а, с другой, идет усиление их конкуренции вплоть до конфронтации. Такой агрегированный взгляд направлен на понимание институциональных изменений в любой сфере деятельности с позиций коэволюции институциональных логик, «носителями» которых являются конкретные акторы – индивиды, организации, сообщества и др. В основе конкуренции институтов лежит конкуренция институциональных логик и успешность трансплантации институтов в значительной степени зависит от того, насколько лежащие в их основе логики «встраиваемы» в полилогичную институциональную структуру реципирующей (принимающей) среды. Поэтому *объектами трансплантаций являются не столько конкретные передовые институты, сколько лежащие в их основе институциональные логики.* Принятие акторами новой институциональной логики открывает

³³ Точнее, речь идет о целом семействе взаимосвязанных идеологий.

³⁴ В России внедрение нового урбанизма тормозится неразвитостью нормативного института стратегических мастер-планов и структурных институтов децентрализованного принятия решений о развитии городов.

возможности выстраивания на ее базе самых разных институциональных комбинаций, тогда как отторжение логики чаще всего блокирует внедрение любых трансплантируемых институтов. При этом целенаправленная трансплантация логик – процесс гораздо более «тонкий» по сравнению с трансплантацией правил: здесь принципиально важны отказ от доминирующей роли государства, акцент на вовлечении заинтересованных сообществ, расширение возможностей для изменений «снизу».

Институтогенные сообщества

Классическая теория обращает все свое внимание на трансплантации институтов по модели «сверху вниз». Это объясняется тем, что свободный «рынок институтов», то есть саморегулирующийся механизм обмена ими между экономическими системами, крайне искажен, поэтому нуждается в активном участии государства (см., например: Полтерович, 2001. С. 29). Обычно трансплантации «сверху» проектируются и осуществляются политическими акторами: уполномоченными государственными служащими, политиками, лоббистами, группами интересов и их коалициями, а также экспертами и консультантами, в том числе международными организациями. Скопированные из зарубежного опыта комплексы формальных правил в некоторой степени адаптированном виде внедряются в экономическую практику страны-реципиента с расчетом на то, что на основе этой правовой рамки стихийно сложатся комплементарные ей неформальные нормы и модели поведения. Но имплицитно главная цель трансплантации «сверху» – это именно «клонирование оригинального института в другом контексте» (De Jong, Mamadouh, 2002. P. 20), поскольку дальнейшая стадия внедрения скопированного института разработчиками контролируется крайне слабо и фактически мало их интересует. В связи с приоритетным вниманием к роли государства частный сектор находится на дальней периферии изучения институциональных трансплантаций (Bignami, Zaring, 2016. P. 431), под объектами которых в классической теории практически всегда понимаются «правила игры» общенационального действия. В стороне остаются микроинституты (в том числе частные стандарты, кодексы и регламенты), а также мезоинституты муниципального, регионального и отраслевого масштаба.

Поэтому в классической теории проводится разграничение между собственно трансплантацией (импортом, трансфером) и диффузией³⁵ институтов, построенное на критерии наличия/отсутствия вышестоящего субъекта изменений. С такой позиции международная диффузия институтов рассматривается как неуправляемый «естественный» процесс, а в центре внимания оказываются лишь проводимые государством институциональные заимствования. В расширенной теории предлагается отказаться от

³⁵ К диффузионным процессам относят также институциональное / политическое обучение, мобильность политики (policy mobility) и извлечение уроков (lesson drawing).

искусственного противопоставления этих форм копирования институтов. Наряду с централизованными трансплантациями *не меньшее внимание должно уделяться трансплантациям институтов «снизу»*³⁶, а также смешанным, государственно-частным трансплантационным процессам.

Современное положение дел в области международной динамики институтов и регулятивных политик можно охарактеризовать как революцию, вызванную цифровыми технологиями (Legrand, 2021). Упрощение и ускорение обмена институциональным опытом, расширение возможностей для коллабораций и формирования экспертных сетей вызывают качественный рост мобильности институтов, позволяя говорить о новой парадигме быстрой политики (fast policy; см.: Peck, Theodore, 2015) и, шире, *быстрых институциональных трансплантаций*. Возможно, из-за того, насколько легко и стремительно успешные институциональные инициативы в государственном и коммерческом секторах распространяются по всему миру, создается впечатление, что трансплантации институтов в их привычном смысле исчезли, а их место занимают спонтанные диффузии институтов и обмены институциональными идеями. И это действительно так: трансплантации институтов в традиционном централизованном формате, привычном классическим теоретикам, становятся все более редким явлением, что, однако, не означает отсутствия необходимости в развитии соответствующей теории. Наоборот, теория трансплантации институтов должна расширить свою предметную область и набор лежащих в ее основе методологий для того, чтобы адекватно изучать весь *континуум современных трансплантационных процессов*³⁷.

Так же как новые идеи и технологии, институты лучше всего распространяются из одних стран в другие на основе бенчмаркинга и добровольных инициатив, в формах свободных имитаций и экспериментов, которые лежат в основе процессов стихийной диффузии социальных практик

³⁶ В области исследований политики (policy studies) также обсуждается идея о том, что, несмотря на длительное и упорное противопоставление трансфера и диффузии, именно объединение этих подходов, даже несмотря на их явные методологические различия, способно привести к комплексному пониманию международных институциональных процессов (Vazbauers, 2018. P. 35). Кстати, в ставшей классической работе (Dolowitz, Marsh, 1996) под трансфером политики предлагалось понимать не только «принудительные», но и «добровольные» процессы. Не случайно исследования диффузии, трансфера и перевода регулятивных политик часто представляются как достаточно целостная область анализа (Marsh, Sharman, 2009; Röper, 2021). Аналогично в юридической науке говорят о трансплантационных и диффузионных исследованиях (legal / regulatory transplant and diffusion literature) как общем предметном поле (Bignami, Zaring, 2016. P. 431).

³⁷ Несмотря на очевидную важность международных трансплантаций, расширенная теория в перспективе могла бы вовлечь в сферу своего анализа не менее значимые внутристрановые трансплантации институтов, в том числе межсекторные, межотраслевые, межрегиональные, межмуниципальные. В юридической науке уже появились призывы к переориентации исследований трансфера норм и политик регулирования на внутреннюю проблематику (Ogg, 2015. P. 83).

или путешествий³⁸ регулятивных моделей. Государство в таких путешествиях в лучшем случае выступает проводником. Так, фирмы во всем мире присоединяются к международным институциональным инициативам в области устойчивого развития, социальной ответственности, бережливого производства, безопасности, инклюзивности, прозрачности и т.д., принимая добровольные кодексы поведения. Тем самым они копируют и внедряют зарубежные ценности, нормы, правила, практики, принципы и порядки, способствуя трансплантации соответствующих институтов и их экспансии в своих странах. Огромное распространение получил регуляторный / политический бенчмаркинг – целенаправленный поиск и внедрение лучших мировых институциональных практик в разных масштабах, от организаций и государственных структур до отраслей и территориальных образований. Акторами трансплантаций «снизу» являются главным образом частные фирмы, некоммерческие структуры, местные сообщества, инициативные группы. Регуляторы на всех уровнях управления все активнее ориентируются на мировые практики – и при этом вынужденно отходят от традиционных принципов проведения трансплантаций «сверху»³⁹. В частности, множество лучших практик во всем мире копируется из институционального опыта ведущих глобальных городов (см.: Ward, 2018; Shefer, 2019), однако этот «пласт» трансплантаций выпадает из поля зрения классической теории. Конечно, в современной реальности четкое разграничение централизованной и децентрализованной институциональной деятельности, «жесткого» (императивного) и «мягкого» (диспозитивного) права, нормотворчества и добровольного установления стандартов становится все более затруднительным⁴⁰. И все же внимание расширенной теории связано в большей степени с восходящими «снизу вверх» трансплантационными процессами.

Важность такого методологического сдвига обусловлена еще и тем, что в среднем масштаб институциональных трансплантатов имеет выраженную тенденцию к снижению⁴¹. Хотя можно привести примеры сравнительно недавних внедрений заимствованных макроинститутов развивающимися

³⁸ Термин см. в: Baker et al., 2016; Lehtonen, 2021.

³⁹ Разработка регулятивных политик и проектирование институтов в результате принимают интерактивный, итерационный и рефлексивный характер (Torfing et al., 2012. P. 46). Образно говоря, следуя духу трансплантаций «снизу», регуляторы выходят из своих башен на городские улицы в поисках идей и поддержки.

⁴⁰ Повторим: трансплантационные процессы следует рассматривать как континуум. Например, трансплантации «сверху» сильно различаются по степени «принуждения» к институциональным инновациям со стороны государства (см.: Evans, 2009). В свою очередь трансплантации «снизу» (особенно на городском и региональном уровне) в различной степени вовлекают государство, поэтому в некоторых случаях принимают сложные гибридные формы. В итоге на практике чаще всего сложно разграничить централизованные и стихийные трансплантации институтов.

⁴¹ Такая тенденция фиксировалась уже в 2000-х годах (Cohn, 2010. P. 596-597).

странами (Goldbach, 2019)⁴², в основном трансплантируемые институты становятся все более ограниченными по сфере действия и специализированными по содержанию⁴³. Поэтому отторжение институтов и их радикальные мутации являются сейчас слабо распространенными последствиями трансплантаций, а роль государства устойчиво сокращается.

Кроме того, трансплантации «сверху» охватывают еще и широкий круг завуалированных институциональных процессов, «подпитываемых» странами-лидерами и связанных с идеологическим конструированием иерархий типа центр – периферия⁴⁴. Расширенная теория категорически дистанцируется от мейнстримно-институционалистского нарратива о международных отношениях, в основе которого лежит убеждение в наличии эталонных институтов глобального стандарта (термин – Chang, 2011) и необходимости их копирования всеми «отстающими» странами. Эта свехупрошенная нормативная установка уже опровергается практикой, в частности, ростом активности трансплантационных процессов между странами глобального Юга (см.: Milhorange, 2019). Парадигмальной опорой расширенной теории является *многомерная цивилизационная перспектива*, с позиций которой следует с большой осторожностью воспринимать универсалистские подходы к институциональному развитию, какими бы благими намерениями не руководствовались их создатели и промоутеры.

В классической теории, помимо политических акторов – заказчиков и разработчиков проектов реформ, – выделяются две агрегированные группы влияния: силы поддержки / давления и силы сопротивления / противодействия (Watson, 1974; Полтерович, 2001; Кузьминов и др., 2005). «Трансплантации, как любые другие изменения, порождают победителей и проигравших» (De Jong, Mamadouh, 2002. P. 20), соотношение которых играет ключевую роль в успешной адаптации заимствуемого института.

С позиций расширенной теории представляется сомнительным дихотомичное восприятие отношения акторов к трансплантируемым институтам по схеме «принять или отвергнуть», в связи с чем и возникают силы поддержки и сопротивления. От этой редукционистской схемы следует переходить к глубокому изучению институциональной деятельности акторов в отношении заимствуемых институтов, ведущей к многоаспектным и

⁴² Но и в случае макроинститутов восходящие процессы также зачастую более эффективны, чем традиционные трансплантации «сверху вниз». Пример – провал попытки трансплантировать систему антитабачного регулирования в Швейцарию на национальном уровне и ее внедрение более длительным путем, через региональные институциональные инициативы (см. подробнее: Mavrot, 2017).

⁴³ Правда при этом «трафик» институциональных обменов увеличился, а сами трансплантации усложнились, став мультисубъектными и высокоизменчивыми.

⁴⁴ Например, гегемонистское позиционирование африканских государств как органично дисфункциональных и нестабильных институциональных структур по существу в имплицитной форме воссоздает колониальный политический дискурс (Kramer, 2020). Реалистичное изучение трансплантации институтов образовательной сферы также нуждается в девестернизации и переходе к открытому горизонту многообразия (Silova et al., 2020).

разнонаправленным изменениям со множеством итераций. Кроме того, силы поддержки и сопротивления в содержательном институциональном смысле – это такие же гомогенные абстракции, как силы спроса и предложения. Внутри каждой из этих сил складывается сложная сеть взаимодействующих групп с разными ресурсами, сплоченностью, ценностями, интересами, ожиданиями, стратегиями и т.д.⁴⁵ В случаях новых институтов обычно все стороны получают разные наборы положительных и отрицательных эффектов, многие из которых проявляются с течением времени, поэтому дать однозначную оценку тому, кто победит, а кто проиграет вследствие трансплантации бывает крайне затруднительно (особенно если оценивать действие институтов не только по транзакционным издержкам, но и по транзакционной ценности; см.: Фролов, 2020b)⁴⁶. Не менее трудно провести четкую границу между силами поддержки и сопротивления, поскольку их состав нестабилен во времени. Так, заинтересованные группы акторов могут поддерживать идею внедрения зарубежного института, но не конкретный вариант (проект) изменений, или же они могут выступать за конкретный проект, но начать сопротивляться ему вследствие искажений в ходе его реализации. Напротив, акторы со стороны сопротивления в результате эффективной коммуникационной политики могут перейти в состав нейтральных или даже поддерживающих трансплантацию сил. Более того, в ходе трансплантации могут возникать даже параллельно действующие силы поддержки с разными представлениями о будущем скопированного института и расходящимися целями⁴⁷. Реальность не вмещается в бинарное «прокрустово ложе» классической теории.

Кроме того, классическая теория основной упор делает на напрямую связанных с трансплантируемым институтом акторах, к которым относятся «активные социальные слои или группы, заинтересованные в применении данного института» (Кузьминов и др., 2005. С. 25). Но в современных условиях усложнения межинституциональных связей многие акторы связаны с трансплантируемыми институтами косвенно, через их влияние на другие институты. В сложной институциональной системе новый институт может создавать многочисленные побочные, неявные и отложенные эффекты для акторов «отдаленных» институтов. Такие опосредованно связанные с заимствованным институтом *внешние акторы* образуют гетерогенные сети влияния, которые оказывают значимое воздействие на доверие к этому

⁴⁵ Полезным шагом также является замена крайне важной для классической теории метафоры культурной близости стран-участниц трансплантации институтов метафорой *культурных трений*, сдвигающей акцент на сложные взаимодействия разных групп акторов, асимметрию власти и социальное конструирование культуры (см.: Shenkar et al., 2008).

⁴⁶ Результаты действия институтов не всегда проявляются напрямую, часто имеют отложенный характер, с трудом поддаются количественной оценке.

⁴⁷ Причем эти силы (сети акторов) еще и трансформируются на разных этапах трансплантационного процесса. На примере трансплантации института промышленных парков Китаем и Сингапуром это показано в работе: Miao, 2018.

институту, его легитимность и устойчивость, а также в любой момент могут перейти к активной поддержке или сопротивлению. Институты нашего времени сильно зависимы от внешних «аудиторий». Поэтому расширенная теория отказывается от понимания внешних (косвенно связанных с трансплантируемыми институтами) акторов лишь как пассивного большинства, нейтрально относящегося к трансплантации.

С точки зрения расширенной теории, в качестве «действующих лиц» трансплантаций следует рассматривать не только силы поддержки и сопротивления, а в целом *институтогенное сообщество* – неоднородную сеть внутренних и внешних по отношению к трансплантируемому институту акторов, прямо или косвенно связанных с ним своими интересами и/или ценностями. Такое сообщество представляет собой широкое множество в разной степени затрагиваемых трансплантацией лиц и групп реального и потенциального влияния, действия которых основаны на различных убеждениях, ожиданиях и мотивах⁴⁸. При трансплантации институтов *поддержка сообщества важнее точности копирования*. Отчасти организованное, отчасти дисперсное сообщество связанных с новым институтом акторов в ходе его адаптации к новой среде неизбежно будет модифицировать различные элементы институциональной комбинации, дополнять и устранять их, менять набор функций, формировать новые нормы, статусы, практики, представления и т.д. Разные группы акторов на разных этапах процесса трансплантации могут выполнять разные функции в отношении внедряемого института – и эта картина нуждается в серьезной детализации. Анализ функций и ролей акторов институциональных трансплантаций, как признают эксперты (Seidler, 2018. Р. 306), все еще является «белым пятном» исследовательской программы классической теории⁴⁹.

В классической теории принимается во внимание по большому счету только один вид групп – элиты. Именно элитные группы инициируют трансплантации институтов. Дихотомия интересов общества и элит приводит к тому, что последние при благоприятных условиях захватывают и подчиняют себе заимствованные институты с целью изъятия ренты⁵⁰.

⁴⁸ В рамках конкретных трансплантационных процессов мотивации акторов могут варьировать в широком диапазоне – от извлечения прибыли, повышения политической популярности и коррупционных ожиданий до следования религиозным ориентирам, солидарности с сообществом и избегания ответственности (см. описание кейса в работе: Alba et al., 2021).

⁴⁹ Аналогичная ситуация сложилась в исследованиях трансфера политики (policy transfer), где в последнее время участились призывы к серьезному расширению круга изучаемых акторов (см. обзор: Bogén, Young, 2021).

⁵⁰ По концепции Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, если экстрактивные институты полностью контролируются элитами, то формирование инклюзивных институтов связано с двумя категориями акторов, элитами и неэлитами, однако элиты стоят во главе этого процесса (и во главе широкой коалиции групп интересов). Гораздо более выраженная фокусировка на элитах свойственна другой важнейшей институционалистской идее последнего десятилетия – концепции порядков открытого и закрытого доступа (North et

Расширенная теория *переносит акцент с элит и, шире, организованных групп интересов на социальные движения, сети и сообщества*, то есть на дисперсные группы акторов с общей идентичностью, роль которых в трансплантациях институтов явно недооценена. Такая недооценка диссонирует с реалиями усложнения современных институтов, которые становятся все более расплывчатыми в разрезе конкретных бенефициаров и лоббистов изменений, все более текучими и нефиксируемыми, все более движениеподобными (*movement-like*; см. термин в: Scott, 2010. P. 14). В этой связи расширенная теория рассматривает трансплантации не сквозь призму действий элит и лобби, а через оптику сетевой самоорганизации. Например, в случае трансплантаций макроинститутов речь должна идти не о двусторонних отношениях отдельных стран, а о транснациональных трансферных сетях (Stone, 2012). Следует учитывать, что наряду с активным развитием межправительственных сетей, связанных с совместной выработкой регулятивных политик в разных областях (*policy / regulatory networks*), огромное значение приобретают *эпистемические сообщества* – международные неформальные сети экспертов с общим мировоззрением (см.: Naas, 1992; Legrand, 2021. P. 71-102). Рост влияния таких сообществ на трансплантации институтов следует признать реакцией на качественно новый уровень сложности возникающих институциональных проблем. Транснациональные муниципальные сети – пример эпистемических сообществ, получивших бурное развитие в последнее десятилетие и создавших множество каналов трансплантации мезоинститутов (Haupt et al., 2020).

Классическая теория придает важную роль институциональным предпринимателям (инициаторам, визионерам и лоббистам трансплантаций), но позиционирует их как своего рода героев-одиночек. В расширенной теории *институциональные предприниматели – это новаторская часть институтогенного сообщества*, за которой следуют раннее и позднее большинство. Обычно роль таких предпринимателей наиболее явно проявляется в радикальных изменениях регулирования каких-либо рынков или видов деятельности. Но *глубокие институциональные изменения могут порождаться и дисперсным сообществом*. Так, все более многочисленны примеры международных изменений законов, практик и убеждений вследствие хештег-активизма: достаточно упомянуть движение #MeToo, фактически отменившее презумпцию невиновности в западных странах путем быстрой трансплантации новых норм (Fileborn, Loney-Howes, 2019; McDonald, 2019). Большинство трансплантаций институтов в современном мире происходит без участия явных институциональных предпринимателей. Обычно, в духе классической теории, это объясняется тем, что изменившаяся среда «способствует» привнесению новых норм и практик, их

al., 2009): акцент здесь сделан на конкуренции между разными элитными группами. Обе эти концепции лежат в основе современной идеологии трансплантации институтов.

распространению и массовому использованию⁵¹. На наш взгляд, здесь проявляется селекционистская ошибка, связанная с недооценкой активной роли различных групп институтогенного сообщества, поступательно трансформирующие действующие институты «снизу»⁵².

Приведем показательный пример. Законодательное закрепление обязательного для крупного бизнеса соответствия стандартам корпоративной социальной ответственности, осуществленное во Франции в 2017 году, справедливо считается беспрецедентным, эпохальным решением (см. подробнее: Evans, 2020). Но еще невероятнее тот факт, что за несколько лет этот новый институт не просто был трансплантирован в целый ряд европейских стран, но соответствующий правовой акт решено ввести в масштабе всего Евросоюза (EURACTIV, Reuters, 2021). Ключевую роль в столь быстром и радикальном институциональном сдвиге сыграло дисперсное сообщество активистов – ученых, юристов, политиков, профсоюзных деятелей, журналистов, экологов, антиглобалистов и др. Это сообщество действовало в формате *распределенного институционального предпринимательства*⁵³. Значение институтогенного сообщества еще сильнее возрастет в ходе широкого применения данного институционального решения, когда транснациональные компании будут отрабатывать способы ухода от резко возросшей ответственности (см.: Schilling-Vacaflor, 2021).

Важность учета неоднородности институтогенных сообществ наглядно демонстрирует пример трансплантации в ФРГ мезоэкономического института бизнес-инициатив (ассоциаций) по улучшению районов, который первоначально получил развитие в Канаде, США и Великобритании⁵⁴. Традиционно считалось, что такие инициативы возникают на основе «счастливого союза» местного бизнеса, собственников и операторов коммерческой недвижимости, а также либеральных политиков. Однако, как показал немецкий опыт трансплантации данного института, между этими социальными группами (и внутри каждой из них) возникли разногласия и конфликты интересов, причем как на национальном уровне и на уровне

⁵¹ См., например, объяснение экспансии рыночно-ориентированных институтов в американской академической науке без отсылок к концепции институционального предпринимательства (Verma, 2012).

⁵² Трансплантация разворачивается сразу во многих масштабах и все они имеют значение. Например, исследования показывают важную роль рядовых управленцев и вырабатываемых ими социальных практик в трансплантации институтов неолиберального типа (Nunn, 2020. P. 950-953).

⁵³ См. также беглую постановку вопроса о «распределенном взгляде» на институциональное предпринимательство и его обсуждение на примере института паевых инвестиционных фондов: Lounsbury, Crumley, 2007.

⁵⁴ Бизнес-инициативы по улучшению районов (business improvement districts) – территориальные ассоциации, занимающиеся улучшением качества городской среды в определенных районах в целях эффективного ведения бизнеса. Обычно в их состав входят девелоперы и владельцы недвижимости, управляющие компании, местные предприниматели; они платят регулярные членские взносы и вырабатывают общую стратегию развития районной среды.

отдельных регионов (федеральных земель), так и на городском и даже районном уровнях. Например, либеральные политические силы (странным для мирового опыта образом) противостояли принятию законов о бизнес-инициативах по улучшению районов на федеральном и региональном уровнях, поскольку этот институт воспринимался ими как способ скрытого налогообложения, противоречащий идее саморегулирования рынка. Вопреки представлениям о том, что местные власти с радостью переложат свои обязанности на предпринимателей, во многих германских городах администрации были настроены против расширения влияния и полномочий бизнеса. Это привело к скрытому противодействию новому институту и блокировало попытки ассоциаций активно участвовать в принятии решений о развитии своих районов. Внутри сообществ владельцев недвижимости и предпринимателей мнения также разделились (Stein et al., 2017. P. 44-45). В результате трансплантация рассматриваемого института в Германию показала высокий разброс траекторий⁵⁵.

Конструирование институциональной ниши

Классическая теория базируется на традиционной адапционистской парадигме и рассматривает изменения, происходящие с трансплантируемым институтом, односторонне – в аспекте его приспособления к новой институциональной среде⁵⁶. Точка зрения расширенной теории состоит в следующем. Адаптацию скопированного института не следует понимать лишь как пассивный процесс подстраивания к специфике реципирующей среды, в результате которого среда чаще всего отторгает или деформирует «чужеродные» институциональные структуры⁵⁷. Адаптация – это еще и активный процесс перенастраивания / перестраивания среды, *конструирования институциональной ниши*⁵⁸. Под нишей имеется в виду

⁵⁵ Акцент на неоднородности институтогенных сообществ позволяет повысить реалистичность понимания трансплантационных изменений. Например, трансплантация института корпоративной социальной ответственности обычно рассматривается с позиций влияния акторов гражданского общества, стремящихся взять корпорации под общественный контроль. При этом недооценивается роль самого бизнес-сообщества и его скрытые стремления к усилению своего контроля над новыми социальными тенденциями (Kaplan, Kinderman, 2019).

⁵⁶ «При удачной трансплантации... происходит позитивная адаптация института к новой институциональной и культурной среде: институт выполняет в стране-реципиенте ту же роль, что и в экономике-доноре» (Полтерович, 2001. С. 29).

⁵⁷ «Институты, обеспечивающие устойчивый рост в одних странах, не дают желаемых результатов в других, что обычно объясняется “несоответствием” (bad fit) институтов местным условиям» (Полищук, 2008. С. 28).

⁵⁸ Мы используем здесь метафору из арсенала современной эволюционной биологии, в которой существует теория конструирования ниш. Ее суть состоит в том, что живые организмы не только адаптируются к среде (как это следует из концепции естественного отбора, когда выживает наиболее приспособленный), но и преобразуют среду, меняя ее ресурсы и параметры, тем самым конструируя в ней свою экологическую нишу – и влияя тем самым на отбор (Laland et al., 2015).

относительно подконтрольная акторам трансплантируемого института часть принимающей институциональной среды, в которой они создают благоприятные условия для его успешного внедрения. Актеры, образующие институтогенное сообщество, используют новый институт на практике и осуществляют в его отношении пользовательские инновации. Они вырабатывают связанные с институтом практики и модели поведения, тестируют социальные роли и формы организации взаимодействий, коммуницируют по поводу института, создавая общие ментальные модели, и «достраивают» его нормативную структуру неформальными нормами. Как следствие, вокруг трансплантированного института возникает своего рода защитная зона (ниша), в которой происходят стихийные институциональные эксперименты, поступательно меняющие институциональную среду.

Концептуальной основой расширенной теории в плане понимания преобразующей роли институтогенных сообществ в трансплантациях является *теория институционального бриколажа*. Бриколаж – это процесс стохастического формирования институтов «снизу» неоднородной массой акторов из самых разнообразных элементов – идей, норм, практик, ролей, представлений, организационных моделей и т.д. (Cleaver, 2012; Cleaver, de Koning, 2015). В процессе трансплантации институтов бриколаж выражается в мультисубъектном «наполнении» заимствованной «символической» формы местным институциональным содержанием, берущимся из повседневной практики или из прошлого опыта. В результате многие зарубежные институциональные инновации на деле оказываются реактивированными локальными институтами в новой «упаковке» (Röper, 2021. P. 14). Бриколажный подход дистанцируется от наивной идеи рационального дизайна трансплантаций, оперируя логикой экологической рациональности, когда главным критерием эффективности институциональных изменений является выживание института в конкретной среде. Тем самым преодолеваются узкие технократические взгляды на институциональные трансплантации⁵⁹.

Теория обитаемых институтов (inhabited institutionalism) также близкородственна расширенной теории. С ее точки зрения институты представляют собой не просто ограничительные рамки поведения, а, в первую очередь, «материал» для трансформирующей деятельности акторов

⁵⁹ В процессе трансплантации моделей регулятивной политики бриколаж охватывает «беспорядочные процессы возникновения гибридных политик из множества источников и беспорядочные процессы интерпретации, когда страны-импортеры транслируют и изменяют копируемые политики» (Stone, 2017. P. 55). Даже трансплантации институтов под эгидой государства, часто начинаясь как внутренне логичные проекты, постепенно превращаются в спонтанные, а подчас хаотичные процессы согласования интересов множества акторов и внесения разноплановых, часто слабо согласованных изменений. Как следствие, цели, сценарии и критерии эффективности меняются прямо в ходе трансплантации, особенно если она принимает долгосрочный характер.

(Hallett, Ventresca, 2006; Hallett, Hawbaker, 2019)⁶⁰. Метафора обитания, как и метафора колонизации искусственных коралловых рифов, сдвигает фокус анализа трансплантаций на развивающееся множество сосуществующих и взаимодействующих акторов, осмысливающих и «обживающих» свои институциональные рамки. Трансплантация любого института запускает процессы активной институциональной работы (institutional work) использующих этот институт людей, включенных в организации и сообщества (Gestel et al., 2020). *Теория институциональной работы* изначально развивалась в организационных науках и только недавно начала применяться к изучению трансплантаций (см. пионерную статью: Remer, Skjølsvik, 2018). Под институциональной работой понимаются как индивидуальные, так и коллективные действия, направленные на создание, изменение или сохранение институтов, но при этом осуществляемые в рамках рутинных практик (Lawrence et al., 2011). Акцент при этом смещен на «обыденные, обычные способы воплощения институтов на микроуровне и то, как акторы взаимодействуют с ними в своей повседневной деятельности» (Lawrence et al., 2013. P. 1029). Работая с заимствованным институтом, люди становятся со-производителями новых элементов связанной с ним институциональной комбинации – конвенций, норм, социальных практик, представлений, идентичностей, обязательств и др., – внося инкрементные корректировки в действующий порядок в ходе каждодневной деятельности. Иначе говоря, институциональные «рабочие» внедряют новые институты и при этом прекрасно обходятся без институциональных предпринимателей. Но ни теория обитаемых институтов, ни теории институциональной работы и бриколажа пока еще широко не применяются для изучения трансплантаций институтов⁶¹.

⁶⁰ Близкую идею в теории международных отношений высказал А. Ачарья, предложив сместить акцент на трансформативную роль акторов страны-реципиента в ходе диффузии норм (Acharya, 2004). Передовые исследования в области *перевода политики* (policy translation) идут дальше в сторону фокусировки на сложности и все большее внимание уделяют влиянию акторов на трансплантируемые институты, в том числе через эксперименты и создание нарративов (Mukhtarov, 2018). При этом «перевод» (то есть реинтерпретация) заимствованных норм предполагает разные варианты их локальной модификации вплоть до радикальной трансформации (Draude, 2017). Бурно развивающаяся теория *политических мобильностей* (policy mobilities) также делает акцент на том, что копируемые регулятивные практики являются не статичными объектами, а эволюционирующими социальными конструктами, подвергающимися на новом месте активной доработке. Фокусировка на пространственной и социальной сложности, множественности акторов и их вовлеченности в реконструирование скопированных институтов или политик (Peck, 2011; Peck, Theodore, 2012; McCann, Ward, 2013) тесно сближают теорию мобильностей с расширенной теорией трансплантации институтов.

⁶¹ Исключениями являются отдельные работы (см., например: De Jong, 2013; McKague, Oliver, 2016; Корпенжан, de Jong, 2018), анализирующие китайский, голландский и африканские примеры институционального бриколажа. Близкая по сути концепция *глобального бриколажа* используется в международных отношениях для объяснения взрывного роста институционального плюрализма, в частности того, как политические акторы стран глобального Юга делегитимизируют неолиберальные нормы, выстраивая

Конечно, ниши для трансплантированных институтов конструируют и крупные игроки – мощные группы влияния: результатом может становиться захват институтов, их подчинение и использование в качестве источника ренты. Именно на это обращено основное внимание в классической теории. Напротив, в расширенной теории внимание в большей степени привлечено к *массовым процессам конструирования ниш*⁶², когда разнообразные акторы «заселяют» и «обживают» трансплантированные институты, внося в них множественные инкрементные изменения в ходе их использования – и постепенно трансформируя тем самым институциональную среду, делая ее все более «пригодной для жизни» новых институтов. Таким образом, *стрела эволюции разворачивается от институтов к среде*. Конструирование ниши («заселение») скопированных институтов сочетает стихийные и относительно планомерные процессы. В любом случае результатом становятся постоянные «ремонтные», «перепланировки», «достройки» и другие модифицирующие изменения. В этой связи принципиальное значение имеет *отказ от статичного понимания трансплантируемых институтов*. В ходе трансплантации они непрерывно меняются и по своей сути являются не завершенными, сложившимися, фиксированными объектами, а объектами текучими, метаморфирующими, находящимися в состоянии постоянной пересборки своими акторами. В этой связи важно преодолеть свойственный классической теории излишний акцент на зависимости от «колеи» предшествующего развития институтов (*path dependence*)⁶³. Расширенная теория смещает центр внимания на *path creation*, то есть на формирование различными группами акторов новых траекторий будущего развития трансплантированных институтов. Ведь в сконструированной нише акторы могут не просто играть по уже имеющимся «правилам игры», а вводить и распространять новые правила, статусы, практики действий, убеждения, формы организации и др.⁶⁴

Успешная трансплантация японских институтов организации производства в США в 1980-1990-х годах – случай, явно выходящий за рамки классической теории. Размещение в Северной Америке автомобильных

новые нарративы мирового порядка (Mittelman, 2013) или используя стратегию параллельного встраивания в «северо-центричную» институциональную систему и развития альтернативных институтов за ее пределами (Cooper, Stolte, 2020).

⁶² В исследованиях трансфера и мобильности регулятивных политик также намечается *сдвиг от элитных акторов* (им сейчас уделяется практически все внимание) к неэлитным, обычным и даже маломощным, знания о роли которых крайне ограничены (Shu, Lewin, 2017; Baker et al., 2020).

⁶³ В работе (Maseland, 2018) эмпирически подвергнуто сомнению значение эффекта *path dependence* на примере влияния трансплантированных колониальных институтов на институциональное развитие африканских стран после обретения ими независимости.

⁶⁴ Регулятивные песочницы (*regulatory sandbox*) являются свежим примером искусственно конструируемых ниш для апробации новых, в том числе трансплантируемых институтов.

заводов, принадлежавших японским корпорациям⁶⁵, сопровождалось переносом широкого набора микроэкономических институтов – норм, стандартов, ценностей, организационных моделей и др. Кардинальные различия институциональных матриц и, в частности, бизнес-культур этих стран, казалось бы, должны были заблокировать внедрение новых институтов⁶⁶. И все же трансплантация прошла удачно: хотя идеального копирования не случилось, но по факту японские институты «заработали» в американской среде и получили очень широкое распространение. Более того, на их основе позднее возникли agile-институты координации бизнес-процессов, которые в сущности являются новым поколением ранее укоренившихся японских институтов.

С точки зрения классической теории этот пример достаточно сложно объяснить. Да, трансплантация японских институтов потребовала некоторых модификаций⁶⁷, однако в целом их американские версии сохранили функциональное подобие своим эталонам. Причем речь идет не просто о переносе отдельных организационных форм и управленческих практик несколькими крупными производителями. Нет, в результате этой трансплантации произошло глубокое изменение предпринимательской культуры и, в целом, рецепирующей институциональной среды. Японские институты содержательно трансформировали американский бизнес. Как показали исследования, акторы этих трансплантированных институтов смогли преобразовать новую среду в соответствии со своими интересами и создать условия для успешного внедрения новых принципов, правил, порядков и моделей организации производства. Можно даже сказать, что крупные японские корпорации добились содержательной «перепрошивки» институциональной матрицы бизнес-среды США (Florida, Kenney, 1991. P. 395) за счет трансплантации новой производственной парадигмы (Hiraoka, 1989. P. 30). Таким образом, трансплантация институтов в этом случае связана как с определенной адаптацией к новой среде, так и – что гораздо важнее – с ее целенаправленным изменением «снизу» (Florida, Kenney, 2001. P. 301-302). Фактически, это пример успешного конструирования ниши в чужой институциональной среде: японские компании в США «нашли способы уменьшить влияние их новой среды на внутренние операции» (Pil,

⁶⁵ К концу 1990-х годов в США было уже 11 японских автозаводов, а в наши дни их количество достигло 24.

⁶⁶ Отмечалось, что «японская форма организации... есть приспособление к условиям гомогенности, стабильности и коллективизма», тогда как «американская форма организации... представляет собой естественное приспособление к условиям гетерогенности, подвижности и индивидуализма» (Оучи, 1984. С. 78). Кроме того, «индивидуалистический настрой рабочих в странах Запада, и прежде всего в США, характеризующийся принципом “каждый за себя”, составляет разительный контраст с японской психологией сотрудничества, преданности, гармонии, группового метода принятия решений» (Шонбергер, 1988. С. 39).

⁶⁷ Эти модификации коснулись организации командной работы, взаимодействий с поставщиками и системы компенсаций (Pil, MacDuffie, 1999b. P. 380, 384, 387).

MacDuffie, 1999a. P. 68) и на трансплантированные из Страны восходящего солнца институты. Масштаб ниши при этом явно вышел за пределы отрасли.

Наглядным результатом конструирования институциональной ниши являются трансплантированные в Россию институты, связанные с интернет-активностями. К ним относятся нормы, статусные функции, практики и модели поведения, организационные формы и общие ментальные модели, относящиеся к шерингу и фрилансу, краудсорсингу и краудфандингу, интернет-торговле и маркетингу в социальных сетях, блогерству и социальным медиа, онлайн-образованию и онлайн-банкингу и т.д. Их развитие в России в целом отражает логику институциональных изменений в ведущих западных странах⁶⁸. При этом часть интернет-институтов была трансплантирована в традиционном централизованном формате, начиная с электронного правительства и заканчивая правилами проведения ICO (первичного предложения токенов), другая (гораздо большая) часть – через диффузию социальных норм и практик, коллективных представлений и моделей поведения людей и организаций⁶⁹. Причиной успешной трансплантации интернет-институтов в Россию стало, прежде всего, их изначальное формирование в нишевом формате, децентрализованном и свободном от жесткого государственного контроля. Это позволило интернет-индустриям и интернет-сообществу эволюционно выработать массу норм, практик и убеждений, способствовавших превращению интернет-активностей в неотъемлемую часть повседневной жизни десятков миллионов людей. Хотя на протяжении 2010-х годов регулирование Интернета в России приобретало все более выраженный «охранительно-запретительный» уклон (Казарян, 2018), все же интернет-сообщество продолжало конструировать свою нишу, например, изобретая и распространяя практики обхода блокировок сайтов и мессенджера Telegram (Радченко, 2020). В результате контроль Сети вынужденно подменяется ее «троллингом»: система регулирования оперирует размытыми нормами и работает в непредсказуемом режиме правоприменения, рассчитывая, что генерируемая неопределенность станет мотиватором массовой самоцензуры (Gabdulhakov, 2020. P. 293).

⁶⁸ Единственным серьезным отличием является укорененность интернет-пиратства как исторически унаследованного (из опыта противодействия цензуре в СССР) и социально одобряемого института.

⁶⁹ Даже правила и практики государственного вмешательства в функционирование Интернета были не столько эндогенным продуктом авторитарно-консервативного поворота в российской политике (Gritsenko et al., 2021. P. 2.), сколько результатом институциональной трансплантации. Эти институты соответствовали мировому тренду перехода от децентрализованного и нерегулируемого развития Интернета к активному государственному вмешательству (De Filippi, Wright, 2018. P. 8). Государства во всем мире в этот период начали развивать механизмы регулирования Сети через интернет-провайдеров и крупных игроков (владельцев поисковых систем, социальных сетей и др.), в том числе идя по пути кибербалканизации, то есть введения законодательных ограничений в национальном киберпространстве, от требований к блокировке сайтов и локализации данных до жесткой цензуры и системной фильтрации контента.

Интересными выглядят объяснения с точки зрения конструирования ниши примеров успешной и неудачной трансплантации институтов в одной и той же сфере деятельности. Рассмотрим два трансплантированных в Россию института – корпоративную социальную ответственность (КСО) и корпоративное волонтерство (КВ). Случай КСО – типичный пример захвата заимствованного института влиятельными группами интересов. Под его прикрытием региональные власти осуществляли неформальное дополнительное налогообложение предпринимателей, выступая главным заказчиком «программ» социальной ответственности. Кроме того, КСО стала удобной маскировкой симбиотических отношений и коррупционных схем бизнеса и власти (Полищук, 2008. С. 33-34; Полищук, 2009). Напротив, институт КВ развивался в точном соответствии с зарубежным эталоном: несмотря на все культурные различия, это та же поддерживаемая руководством компаний безвозмездная добровольческая деятельность сотрудников на благо общества. Единственная разница состоит в меньшем разнообразии практик КВ в России (Краснопольская, 2012. С. 37). В отличие от КСО, развитие КВ происходило «снизу», от бизнес-сообщества, в формате копирования прогрессивных зарубежных практик и стандартов сначала крупным, а затем малым и средним бизнесом, при одобрении большинства работников⁷⁰ и на фоне роста государственной пропаганды волонтерского движения. В результате акторам КВ удалось сконструировать нишу и обеспечить трансплантацию практик, норм и ценностей данного института практически в неизменном виде.

«Шумные» рифы: роль коммуникаций

Критически важным компонентом успешной трансплантации являются когнитивные институциональные факторы – связанные с внедряемым институтом общие ментальные модели его внутренних и внешних акторов, то есть разделяемые ими представления, убеждения, стереотипы, объяснения, ожидания, сценарии и т.д. В классической теории когнитивные институты заданы экзогенно в качестве инвариантов той культурной среды, в которую «встраивается» заимствованный институт. В расширенной же теории они интенсивно формируются в ходе коммуникаций гетерогенной сети акторов, прямо или косвенно взаимодействующих с трансплантируемым институтом. Коммуникации сопровождают все этапы трансплантации (а не только завершающий этап, массовую социальную легитимизацию) и на каждом из них значимо влияют на ее результаты. В современных условиях глобальных социальных сетей и генерирования подавляющей доли контента обычными пользователями трансплантируемые институты сразу «погружаются» в интерактивную коммуникационную среду и становятся *медиа-институциональными формами* (термин – Knorr Cetina, 2015). Внутренние

⁷⁰ Социологические опросы показывают, что в программах КВ готовы добровольно участвовать более 70% работников (Абрамов, 2019).

акторы «транслируют» свой институт внешним, выступая соавторами мнений, представлений, убеждений, историй о нем; внешние акторы занимают позиции комментаторов, сторонников или критиков, вступают в многочисленные дискуссии. Так вокруг трансплантируемого института возникает насыщенное и динамично меняющееся коммуникационное поле.

Интересный факт: метафора кораллового рифа включает и коммуникационный аспект. Здоровые рифы обладают сложным и насыщенным аудиоландшафтом, представляя собой «удивительно шумные места» (цит. по: Hawkins, 2019). Напротив, деградация рифов делает их все более тихими. Британские ученые провели эксперимент по так называемому звуковому обогащению мертвых рифов: они установили динамики на деградировавших участках Большого Барьерного рифа и в течение 40 суток транслировали звуки здоровых рифов. В результате такие «шумные» рифы привлекли вдвое больше рыб, чем тихие участки, причем видовое разнообразие рыб увеличилось на 50% (Gordon et al., 2019). Активно развивающиеся институты тоже сильно «шумят», ведь человек – единственное существо, которое обсуждает окружающие его институты. В этой слабо развитой области изучения институциональных трансплантаций расширенная теория опирается на разработки таких направлений, как *нарративная экономика* и *дискурсивный, риторический, коммуникативный институционализм*.

Нарратив – повествовательное изложение фактов и событий в форме историй, неявно выступающих инструкциями по интерпретации реальности. Это эффективный инструмент коммуникаций, обеспечивающий одной стороне экономию когнитивных ресурсов понимания (за счет упрощенного описания сложных процессов), а другой – привлечение дополнительных ресурсов внимания (за счет эмоциональной насыщенности и сюжетности повествования)⁷¹. К нарративам относятся и истории, связанные с различными экономическими ситуациями и процессами (Akerlof, Snower, 2016; Shiller, 2019), погруженными в институциональный контекст. Однако внимание этому контексту нарративные экономисты уделяют пока что по остаточному принципу. При этом отдельным типом нарративов являются *институциональные нарративы* – способы закрепления групповой идентичности акторов тех или иных институтов в связанных с ними историях (см., например: Linde, 2009; O'Toole, 2018). Они помогают людям понять суть и логику институциональных изменений, специфику различных институтов, преодолевая множество встроенных ограничений человеческой рациональности⁷². Речь идет, конечно, о коллективно признанных историях, в

⁷¹ Вместе с тем, вопрос о более высокой эффективности нарративов в сравнении с другими инструментами коммуникаций по поводу институтов остается дискуссионным (Тамбовцев, 2020. С. 18-19). Отметим, что в форме нарративов институты легче всего становятся *мемами*, быстро распространяясь в масштабе сообщества и формируя общие ментальные модели (см. подробнее о правилах-мемах в: Schlaile, 2021).

⁷² В классической теории на это иногда обращалось внимание. Отмечалось, что в расширении сил поддержки и преодолении ими барьера большинства «большую роль

связи с чем конкуренция институциональных нарративов является широко распространенным явлением, на которое следовало бы обратить специальное внимание. Новые, пока еще непривычные институты особенно нуждаются в сторителлинге (создании и распространении позитивных историй) и в конструировании нарративов идентичности⁷³, которые позволяют различным акторам, связанным с этими институтами, решать задачи их понимания, оценки и легитимизации.

С позиций дискурсивного институционализма, ключевыми акторами институциональных изменений выступают не столько группы интересов, интересы которых в основном материальны, сколько *дискурсивные коалиции* – реальные и виртуальные сообщества одинаково мыслящих (по определенным вопросам) людей, которые, оперируя коммуникационными практиками, поддерживают, развивают и защищают «свой» дискурс, параллельно критикуя, ставя под сомнение, оспаривая альтернативные дискурсы (см. подробнее: Schmidt, 2019). Трансплантируемые институты также подвергаются дискурсивному (ре)конструированию, в основе которого находятся *институциональные дискурсы* – способы мышления о тех или иных институтах и их восприятия, задающие поле связанных с ними образов и смыслов, представлений и объяснений, запретов и ориентиров, нарративов и идентичностей⁷⁴. Институты не образуют дискурсивных единств, они, скорее, представляют собой «ансамбли дискурсов» (Фуко, 1996. С. 22), конкурирующие между собой. Поэтому импульсом институциональных трансплантаций может быть *перевоображение институтов* (*reimagining*), то есть конструирование их альтернативных образов, сопутствующих им нарративов и сценариев дальнейшего развития, в том числе предвосхищающих будущее прообразов (Cooper, 2020; Cooper et al., 2020). Новые образы институтов собираются из новаторских концепций и интерпретаций, переосмысленных элементов общепринятого здравого смысла, романтизированных представлений о прошлом и идеализированных версий будущего, коллективных фантазий и неврозов и многих других когнитивных «строительных блоков». Образы и другие идеационные модели трансплантируемых институтов становятся «каркасами» для их сборки в новой среде (Johnson, Hagström, 2005. P. 370)⁷⁵. *Воображаемые черты*

играют позитивные прецеденты использования новых институтов, или истории успеха» (Кузьминов и др., 2005. С. 25). Но это, скорее, редкое исключение из общей практики игнорирования коммуникационного аспекта трансплантаций институтов.

⁷³ На примере культурного предпринимательства это показано в работе: Lounsbury et al., 2019. P. 1219-1224.

⁷⁴ Возросшее внимание экономистов к нарративам следует признать только первым шагом в исследованиях институциональных дискурсов, поскольку сторителлинг является отдельной дискурсивной практикой.

⁷⁵ Специальный акцент на этом делается в теории перевода политики, которая органично включает коммуникационный аспект, поскольку изначально базировалась на концепции перевода М. Каллона и Б. Латура, основоположников акторно-сетевой теории (Callon, 1984; Latour, 2005). Следуя «переводческой» логике, многочисленные акторы перемещают институты между социальными системами, попутно переводя их (то есть

институтов не менее важны, чем реальные, поэтому коммуникации играют важнейшую роль в успехе институциональных трансплантаций. Особое значение они имеют в тех случаях, когда внедрение нового института связано с увеличением затрат и на первый план выходит убеждение связанных с данным институтом групп акторов в его полезности, преимуществах и выгодах, то есть в генерируемой им транзакционной ценности (Фролов, 2020b).

Нарративы и образы – лишь часть *интерактивного коммуникационного поля*, окружающего любые, в том числе трансплантированные институты. С точки зрения коммуникативного институционализма, «большее внимание к динамике коммуникаций открывает возможности повышения насыщенности и объяснительной силы наших теорий и моделей институтов» (Cornelissen et al., 2015. P. 11). Такая точка зрения пока что не получила распространения среди институциональных экономистов. В значительной степени это связано с общепринятым нейтралистским пониманием коммуникаций как изолированных каналов распространения информации, не оказывающих никакого воздействия на передаваемый контент, в том числе на информацию об институтах. Напротив, ключевой принцип коммуникативного институционализма состоит в том, что именно в ходе коммуникаций (обсуждений «своих» и «чужих» институтов) люди постоянно создают, меняют и пересобирают коллективные представления о них. Это типичные бриколажные процессы. «Населяя» и «обживая» трансплантированные институты, люди «обживают» и связанные с ними ментальные конструкции – нарративы, интерпретации, ожидания, образы, сценарии и т.д., в том числе внося в них инкрементные изменения. В этих коммуникациях участвует широкий круг акторов – от пенсионеров, таксистов и домохозяек до блогеров, активистов и политиков. Массовые коммуникации «обтачивают» новые институты, сглаживая их излишне «острые» черты, но могут и заострять внимание на дефектах и противоречиях. Множественные малозаметные изменения ведут к имплицитной рекомбинации всей трансплантированной институциональной структуры.

Поэтому необходимо признать фундаментальную роль языка в развитии институтов, в том числе в институциональных трансплантациях. Согласно Дж. Серлу, язык выполняет конституирующую функцию в отношении всех институтов в том смысле, что любые институты должны быть социально признаны, а для этого должны сложиться коллективные представления о них, которые требуют специфических языковых средств (Searle, 2008. P. 28-38). В частности, для успеха трансплантаций имеют значение связанные с копируемыми институтами слова, словари и сложные

преобразуя их смыслы и значения) слабо предсказуемым образом. Институты движутся между странами в форме нормативных или политических идей (Dolowitz, Marsh, 1996; Scalise, 2020), поэтому может создаваться впечатление, что «путешествуют» именно идеи. Отсюда происходит рост внимания к идеационным факторам в институциональных исследованиях. Но важно понимать, что эти идеи все же являются моделями для пересборки и докомплектации институциональных комбинаций в странах-реципиентах.

языковые структуры (Loewenstein et al., 2012)⁷⁶. Причем в трансплантации институтов важны не только используемые термины, их интерпретации, коннотации и т.д.⁷⁷, но даже риторика обсуждения институциональных изменений⁷⁸. Центральным в коммуникативном институционализме является вопрос о том, как институциональные предприниматели используют новые терминологические конструкции и риторические приемы, нарративы и эмоциональные артефакты для переосмысления существующих институтов, демонтажа связанных с ними старых идентификаций и создания новых (Green, Li, 2011; Baker, Walker, 2019. P. 161-194), в том числе в ходе институциональных трансплантаций.

В более широком смысле расширенная теория стремится понять, каким образом разнообразные акторы трансплантируемых институтов осмысливают их, выстраивают дискурс и формируют коммуникационное поле, в котором возникают, конкурируют и меняются связанные с этими институтами термины, представления, интерпретации, слухи, оценки, аргументы, смыслы, образы, истории и т.д. На начальном этапе внедрения скопированного института главную роль играют эксперты и посредники, в том числе послы (амбассадоры) и проповедники (евангелисты) новых норм, моделей поведения, коллективных убеждений, социальных порядков. Эти акторы создают коммуникационное поле нового института и разворачивают обмен мнениями о нем⁷⁹. К ним подключаются хейтеры (деструктивные критики) и консерваторы, развивающие контраргументацию⁸⁰. Трансплантируемые институты в понимании расширенной теории выступают *коммуникационно конструируемыми феноменами* (термин – Meyer, Vaara, 2020). Связанные с институциональными трансплантациями коммуникационные процессы влияют не просто на субъективное восприятие новых институтов разными лицами и группами, но, главное, на ход и результаты их рекомбинирования в принимающей среде⁸¹. Коммуникационное поле трансплантируемого

⁷⁶ В теории культурного трансфера также в первую очередь «речь идет об интерпретации чужого объекта, его интеграции в иную референциальную систему, которая прежде всего есть система лингвистическая» (Эспань, 2018. С. 60).

⁷⁷ Так, тенденция последнего времени во многих европейских странах – неумеренная интеграция юридических англицизмов в национальное право, сопровождающая «поверхностную» трансплантацию правовых институтов, – в Италии уже породила хаос в судебной практике (Ferregeri, DiMatteo, 2019).

⁷⁸ Одним из немногих описанных с точки зрения коммуникаций примеров трансплантации является внедрение института фондовой биржи в КНР, в ходе которого применялись различные риторические жанры и стили (Li et al., 2018). См. также пример описания в коммуникационном аспекте трансплантации мезоинститута платного проезда по перегруженным участкам города в Швецию и Великобританию (Park et al., 2014).

⁷⁹ Роль амбассадоров в трансплантации Бразилией институтов партиципаторной демократии обсуждается в пионерной работе (Porto de Oliveira, 2020).

⁸⁰ О специфике коммуникаций с этими категориями акторов см.: Стрекалова, 2019.

⁸¹ Детальный разбор внутренней механики коммуникаций вокруг нового института на примере трансплантации в Швецию системы государственных закупок, основанной на рыночной (конкурентной) логике, см. в: Perner, Skjølsvik, 2018. Авторы показывают, что в ходе более чем двадцатилетнего процесса адаптации этого института к шведским

института является частью институциональной ниши, конструируемой его сообществом.

Трансплантация институтов требует высококачественного «перевода» институциональных изменений на «языки» вовлеченных сообществ. Пример игнорирования данного фактора – внедрение в России института нового государственного менеджмента (НГМ). В его основе лежит неолиберальная идея оптимизации механизмов функционирования науки, образования, здравоохранения, культуры и других сфер государственного сектора путем их переориентации на рыночную институциональную логику. В частности, речь идет об активизации конкуренции, сокращении размеров государственного обеспечения, переводе организаций этих сфер в статус поставщиков услуг, управлении на основе количественных показателей результативности. Консолидированное мнение экспертов состоит в том, что трансплантация института НГМ привела не только к снижению эффективности регулируемых им видов деятельности, но и к развитию практик манипулирования показателями, то есть фактически результатом стало многостороннее искажение скопированного института. Причина кризиса – неэффективность коммуникаций с профессиональными сообществами. Причем случай России совершенно не уникален, аналогичный дефицит коммуникаций стал причиной дисфункций НГМ в Европе и США (Muller, 2018; Reiter, Klenk, 2019). В результате вокруг этого института сложился устойчиво негативный информационный фон, сокращающий его социальную поддержку и ослабляющий позиции в межинституциональной конкуренции⁸².

Показательный пример внутренней сложности дискурсивного конструирования – институциональная трансплантация в ФРГ англо-американской модели частных пенсионных фондов (ЧПФ) на рубеже 1990-2000-х годов. Этот институт имел бенефициаров (инвестиционные компании, позже к ним присоединились банки) и оппонентов (страховщики), баланс сил и интересов которых был довольно сложным. В ходе длительной дискурсивной конкуренции страховщикам пришлось перейти от открытого противодействия новому институту к его реинтерпретации в выгодном для себя качестве – с расширенными страховыми функциями. Страховщики стали активно лоббировать трансплантацию ЧПФ в якобы «оригинальном» виде, отличном от той модели, которую изначально отстаивали бенефициары этого института. Бенефициарам также пришлось менять дискурсивную стратегию, позиционируя трансплантацию института ЧПФ как синтез англосаксонской и континентальной традиций пенсионного страхования. В результате трансплантация завершилась в пользу «агентов

условиям формы и стратегии связанных с ним коммуникаций постоянно менялись, отражая изменение баланса сил акторов, представляющих альтернативные институциональные логики – бюрократическую и рыночную.

⁸² На смену НГМ уже приходит новое поколение институциональных моделей, обозначаемых «пост-НГМ» (Lapuente, Van de Walle, 2020) или «новая государственная служба» (new public service; Denhardt, Denhardt, 2015; Boruvka, Perry, 2020).

преимущества»: возникшие в Германии ЧПФ имели очень мало общего с их первоначальным иностранным прообразом (см. подробнее: Röper, 2021). Это стало результатом бриколажной пересборки представлений о данном институте в ходе конкуренции и «подстройки» дискурсивных стратегий разными акторами. Трансплантационная риторика вообще довольно часто используется как дискурсивная маскировка. В частности, в сфере высшего образования многие страны Евросоюза используют копирование институциональных инициатив ЕС как «легитимизирующий ярлык» для продвижения внутренних институциональных идей (Vukasovic, Huisman, 2018). Аналогично, корейское правительство при трансплантации из Великобритании института социального предпринимательства реинтерпретировало его в собственной логике иерархического принятия решений и государственного контроля (Park et al., 2017).

Кроме того, дискурсивная стратегия нередко выступает своеобразной «встроенной покупкой» при трансплантации институтов. Примером может служить трансплантация в африканские страны комплекса институтов, связанных с обеспечением резильентности в рамках Бизнес-плана по изменению климата Африки (Africa Climate Business Plan) под эгидой Всемирного банка⁸³. Фактически, вместо давно назревших серьезных дискуссий о траекториях развития стран Африки, им предлагается готовое решение в виде крайне нечеткой (но при этом фетишизируемой) идеи резильентного развития и сопутствующего долгосрочного графика инвестиций. Глубочайшие институциональные причины неравенства, эксплуатации, социальной незащищенности и т.д. подменяются при этом нарративом о противостоянии внешним природным угрозам. Это, по мнению экспертов (Mikulewicz, Taylor, 2020), приведет к консервации необходимых институциональных реформ и очередному витку доминирования неолиберального дискурса о развитии Африки.

Ассамбляжи и рефункционализации

Классическая теория видит результатом трансплантации монопольное доминирование скопированного института в его функциональной области, в том числе вытеснение им местных субститутов. Конечно, еще в 1990-х годах эксперты подчеркивали необходимость отказа от идеи внедрения эталонных институтов в неизменном виде, призывая к переносу акцента на сближение и конвергентную синергию трансплантируемых и локальных институтов (см., например: Dia, 1996). Ориентация на рост комплементарности привнесенных и местных институтов, а не на их интеграцию в единую гомогенную систему все чаще заявлялась в качестве принципа проведения институциональных

⁸³ Резильентность (resilience) в общем смысле – способность экономики адаптивно восстанавливаться после шоковых воздействий, в случае Африки, на взгляд экспертов Всемирного банка, имеющих главным образом климатический и, шире, экологический характер (World Bank, 2020. P. 11, 28 и др.).

трансплантаций (Wollack, Hubli, 2010)⁸⁴. На этом принципе базируется и градуалистская стратегия промежуточных институтов (Полтерович, 2001, 2007). Выстраивание траектории (цепочки) таких институтов в конечном итоге приводит к тому, что трансплантированный институт, на стартовом этапе сосуществуя со своим местным аналогом, постепенно вытесняет и замещает его. Промежуточные институты учитывают специфику новой среды и ведут к эволюционной адаптации к ней скопированного института, к его все большей рутинизации и росту масштабов использования.

Расширенная теория движется дальше. Для нее идея промежуточных институтов достаточно механистична. Да, такая стратегия может сработать в случае трансплантации простых институтов или институтов с высокой культурной близостью стране-реципиенту. Но с точки зрения практики институциональных трансплантаций это все же достаточно узкий класс случаев, которые поддаются описанию при помощи линейной модели прогресса. Гораздо чаще наблюдаются ситуации, когда трансплантированные институты значительно отличаются от местных, причем последние глубоко укоренены в институциональной среде. В таких ситуациях целенаправленно выстроить траекторию промежуточных институтов крайне сложно. Длительное сосуществование принципиально разных альтернативных институтов далеко не всегда приводит к их содержательному сближению. Не случайно новым трендом в исследованиях трансплантации регулятивных политик становится изучение *политических ассамбляжей* (policy assemblages; см.: Clarke et al., 2015; Briassoulis, 2019; Fox, Alldred, 2020; Savage, 2020)⁸⁵. Традиционный подход к копированию зарубежных моделей и практик регулирования критикуется за линейность, редукционизм и избыточный рационализм, переносимые на реальные трансплантационные процессы. Такой подход, неявно базирующийся на классической теории, фактически уподобляет трансплантацию институтов движению поезда, везущего заданный груз из пункта А в пункт В по заранее утвержденному маршруту и расписанию (Clarke et al., 2015. P. 15). Конечно, концепция промежуточных институтов не столь прямолинейна (в ней, образно выражаясь, поезд на каждой станции дозагружается), но механицизм ей органично присущ. Как минимум, он связан с игнорированием эволюции окружающей любой промежуточный институт институциональной среды (что приводит к необходимости постоянно корректировать всю их цепочку, меняя и добавляя звенья), а также с эффектом path dependence – каждый промежуточный институт укореняется и издержки его замены следующей версией возрастают.

⁸⁴ Реформаторам «необходимо добиваться комплементарности институтов», в противном случае возрастает «опасность возникновения институциональных разрывов с присущими им отторжением, извращением новых правил и консервацией половинчатых реформ» (Кузьминов и др., 2005. С. 26).

⁸⁵ Предлагается даже интегративный подход к анализу трансфера политики с точки зрения политических ассамбляжей, мобильностей и мутаций (policy assemblages, mobilities and mutations approach; McCann, Ward, 2012, 2013).

Расширенная теория опирается на ассамбляжный подход (или, шире, *ассамбляжное мышление*)⁸⁶, что предполагает описание институциональных трансплантаций в аспектах высокой гетерогенности, непрерывной изменчивости и относительной автономности взаимосвязанных (местных и заимствуемых) институтов. Ассамбляжное мышление ставит в центр внимания *несогласованность* как способ осмысления того, каким образом «работают» институциональные механизмы, состоящие из качественно разнородных, но сосуществующих логик, норм, представлений и практик (Allen, 2011. P. 154). Трансплантированный институт функционирует не изолированно, а во взаимодействии со связанными с ним местными институтами, образуя *сложную полилогичную систему – ассамбляж*. Институты, базирующиеся на принципиально различных, несводимых друг к другу институциональных логиках, не могут «слиться» в монолитное целое⁸⁷. Институциональные ассамбляжи представляют собой *гетероцентричные системы*, объединенные совместным функционированием, но тяготеющие к внутреннему разнообразию. Суть ассамбляжа – симбиоз, но не синтез трансплантированного и местных институтов; ассамбляж предполагает не параллельные, а перемешанные и при этом окончательно необъединяемые институциональные логики⁸⁸.

Изучение трансплантаций в аспекте возникновения и пересборки институциональных ассамбляжей означает, прежде всего, фокусировку на том, как множество разнородных институциональных элементов, постоянно рекомбинируясь, образует достаточно целостные и при этом внутренне противоречивые системы упорядочения экономической деятельности. Принципиальная несводимость институциональных логик в ассамбляже является генератором противоречий, конфликтов, фрагментарности нормативного поля, но также функциональной избыточности и повышенной адаптивной эффективности. При этом многие трансплантируемые институты исходно ассамбляжны по своей природе. Так, институт корпоративной социальной ответственности в принципе базируется на наборе конфликтующих между собой ценностей, норм и представлений: именно в связи с этим ему трудно дать однозначное определение (Guthey, Morsing, 2014). Трансплантация содержательно неоднородных институтов с еще большей вероятностью приводит к возникновению ассамбляжей.

Трансплантированная институциональная логика в ассамбляже не вытесняет предшествующую логику, а гибридизируется с ней, формируя полилогичную систему. Пример – система управления водными ресурсами в

⁸⁶ См. подробнее об институциональных ассамбляжах: Фролов, 2020а; Frolov, 2021. Кстати, сообщества рыб, формирующиеся вокруг коралловых рифов и не имеющие четких границ в пространстве-времени, называют ассамбляжами (fish assemblages; см., например: Mills et al., 2017).

⁸⁷ «Ассамбляж – это продукт множественных детерминаций, не сводимый к единственной логике» (Collier, Ong, 2005. P. 12).

⁸⁸ Поэтому в трансплантациях институтов отношения власти проявляются прежде всего в практиках композиции и перекомпоновки ассамбляжей (Prince, 2017. P. 336).

Гане, в которой оказались объединены трансплантированная рыночная (конкурентная) логика, трактующая услуги по доставке воды как стандартный товар, и гуманитарная логика прав человека на воду, также трансплантированная, но перекликающаяся с общеафриканским убеждением в ценности воды как общественного достояния и необходимости равного доступа к ней. В результате гибридизации этих логик возник институциональный ассамбляж, который исследователи называют «гибридным регуляторным ландшафтом» (см. подробнее: Yates, Harris, 2018). Этот ассамбляж постоянно испытывает внутреннюю напряженность и конфликтогенность из-за несовместимости лежащих в его основе институциональных логик, соотношение сил которых постоянно меняется. При этом создание эффективного институционального механизма водной политики на основе одной институциональной логики объективно невозможно (Op. cit. P. 84-85).

Под влиянием ассамбляжности траектории институциональных трансплантаций полны неоднозначности, вариативности и скрытых противоречий. Так, например, вследствие глобальных трансплантаций нового государственного менеджмента (НГМ)⁸⁹ произошла рекомбинация всех институтов в общественном секторе, от больниц и библиотек до университетов и музеев, которые превратились в институциональные ассамбляжи с противоречивыми логиками. Сочетание предпринимательской и профессиональной логик не статично: логики коэволюционируют, они влияют друг на друга и меняют свои ассамбляжи, приводя к разнообразию их моделей в здравоохранении, образовании, культуре и других областях (см. подробнее: Skelcher, Smith, 2015; Mannion, Exworthy, 2017; Andersson, Liff, 2018; Pietilä, Pinheiro, 2021; Berge, Torsteinsen, 2021). Ассамбляжи, вызванные трансплантацией института НГМ, характеризуются высокой внутренней напряженностью и (чаще всего невысказываемыми) трениями: несмотря на вынужденное сближение акторов, представляющих в ассамбляжах разные логики, их взаимное недоверие, этический конфликт и неприятие сохраняются (см., например: Hogan, Thompson, 2019; Ekström, 2020)⁹⁰.

Важным моментом размежевания классической и расширенной теорий является их отношение к отклонениям трансплантированных институтов от своих эталонных моделей. В медицинской науке сложились две традиции восприятия болезней: *нозоцентричная*, трактующая их как патологии (деструктивные отклонения от норм идеально здорового организма), и *нормоцентричная*, рассматривающая болезни как вариации индивидуальной траектории здоровья⁹¹. Классическая теория исходит из нозоцентричной

⁸⁹ Этот институт был изначально трансплантирован из США и Великобритании в континентальную Европу, а затем распространился по всему миру (Pollitt et al., 2007).

⁹⁰ Любопытно, что новое поколение институтов «пост-НГМ» уже исходно имеет ассамбляжный характер, сочетая логику НГМ и неовебериянскую логику (Lapiente, Van de Walle, 2020. P. 463).

⁹¹ Нормоцентризм базируется на расширительной трактовке здоровья; см., например: Mezzich, 2007. P. 65.

традиции, воспринимая отклонения от эталонных институтов как трансплантационные дисфункции. Напротив, расширенная теория при анализе таких отклонений опирается на *нормоцентричную парадигму*, трактуя их как следствия активной или пассивной адаптации. Соответственно, расширенная теория ориентирует ученых и практиков на отказ от дихотомичного восприятия результатов трансплантаций как или однозначного успеха, или полного провала⁹². Ведь любая институциональная логика (то есть содержание трансплантируемого института) в разных средах результирует в различных институциональных комбинациях (конкретных формах данного института), которые непрерывно эволюционируют, качественно меняются и рекомбинируются. Потенциальное многообразие этих комбинаций образует континуум альтернативных траекторий развития трансплантируемого института. Поскольку точное копирование всей институциональной комбинации эталонного института объективно невозможно, любая траектория развития заимствованного института в новой среде должна рассматриваться в первую очередь *с позиций нормальности*, как специфическая форма воплощения его институциональной логики. В этом смысле расширенная теория основывается на сильной (но не радикальной) версии релятивизма.

Нормоцентричное мышление исходит из принципиального отказа от универсалистских подходов к трансплантации институтов, игнорирующих специфику реципирующих сред (стран, регионов, городов, секторов, отраслей и т.д.), их историю, культуру, ресурсы и сообщества. Как минимум, речь идет об отказе от «бессознательных фильтров, созданных на основе опыта Западной Европы или Северной Америки» (Stone et al., 2020. P. 3). В любом случае трансплантированный институт будет развиваться по уникальной и слабо предсказуемой траектории, под многомерным влиянием множества акторов и факторов новой среды. И то, что принимается за трансплантационные дисфункции (негативно оцениваемые отклонения от эталонной модели копируемого института), в реальности обычно представляет собой результат *рефункционализаций* – целенаправленных, а чаще всего стихийных изменений функций института различными группами его институтогенного сообщества⁹³. Безусловно, захват институтов, их функциональная деформация и монополизация выгод от них – явления крайне негативные. Но, хотя они привлекают повышенное внимание, наиболее часто в ходе трансплантаций имеют место адаптивные изменения,

⁹² См. подробнее об этой тенденции в работе: Stone, 2017.

⁹³ Исторический пример – пересборка коренными жителями функций трансплантируемых институтов во времена испанской колонизации Америки: «Ничего не отвергая и не меняя, индейцы подрывали все это изнутри самым способом использования, связанным с целями и референциями, чуждыми той системе, от которой они не могли ускользнуть» (Серто, 2013. С. 41). Это не искажение нового института, а его рефункционализация, которую можно понимать как «вторичное производство» (термин – М. де Серто) институтов, скрытое в процессах их использования, а потому вездесущее и незаметное, как своего рода «муравьиная деятельность» (Там же. С. 43), бриколаж.

которые внешне могут выглядеть как дисфункции, хотя по сути являются рефункционализациями, задающими трансплантированным институтам «индивидуализированные» траектории развития. Посредством рефункционализаций акторы институтогенного сообщества адаптируют институты к своим интересам, возможностям, опыту, специфике сопряженных институтов и т.п. Так, складывающиеся общие представления о новом институте могут вести к коллективному приписыванию ему определенных функций, которые, вполне возможно, не были его органичной частью в стране происхождения⁹⁴. В результате «обживания» трансплантированного института акторами изменяются его функции и состав институциональной комбинации, но неизменной остается институциональная логика. В этом смысле для расширенной теории *важен не маршрут, а вектор институционального развития*. Расширенная теория в плане нормативных рекомендаций смещает ориентир с конкретных эталонных институтов на передовые институциональные логики, на основе которых в разных экономических и социокультурных условиях могут формироваться и пересобираются продуктивные институциональные комбинации.

Заключение

Проводя межтеоретическую аналогию, отметим, что невозможно построить реалистичную теорию инноваций, если рассматривать только их отторжение или узурпацию преимуществ от них крупными игроками, если игнорировать инновации со стороны пользователей или изучать только радикальные инновации. И оставаясь в рамках классической теории трансплантации институтов становится все затруднительнее воспринимать этот процесс во всей его реальной сложности. Слишком большое внимание в классической теории сосредоточено на проводимых государством крупномасштабных институциональных реформах. Как следствие этого, «за скобки» выносятся не менее важные и массово распространенные формы трансплантаций, такие как диффузия институтов, мобильность регулятивных политик, институциональное обучение, внедрение лучших мировых практик и т.д. Слишком мало места в исследовательской программе классической теории отводится роли акторов и коммуникаций в трансплантационных процессах. Слишком переоценивается значение институциональной среды страны-реципиента как фактора отбора институтов. Слишком сильный акцент делается на идеальном копировании и предотвращении отклонений трансплантированных институтов от их зарубежных прототипов. Безусловно, не может быть и речи о полном отказе от достижений классической теории трансплантации институтов. Но приведенные выше теоретические позиции позволяют значительно расширить ее исследовательскую программу, сделав

⁹⁴ Даже трансплантация институтов уголовного права, например, связанных с предупреждением организованной преступности, происходит преимущественно в режиме повседневных инкрементных изменений, приводя при этом к значительным перенастройкам функционала этих институтов (Ogg, 2015. P. 199-200).

ее более целостной, но при этом плюралистичной и междисциплинарной. Нельзя сказать, что обсуждаемые нами вопросы полностью игнорировались в классической теории. Однако, если они и поднимались, то лишь в единичных работах, да и то, как правило, «на полях». В расширенной же теории эти вопросы находятся под особым вниманием.

Расширенная теория «призывает» исследователей институциональных трансплантаций сосредоточить свой анализ на моментах, выходящих за рамки программы и методологии классической теории. Во-первых, следовало бы отталкиваться от метафоры искусственного кораллового рифа с задаваемыми ей акцентировками на «заселении» и «обживании» трансплантируемых институтов, на их рекомбинациях и рефункционализациях, на развитии неоднородного институтогенного сообщества. Во-вторых, нужно исходить из понимания институтов как сложных комбинаций институциональных факторов разного типа (в том числе нормативных, поведенческих, когнитивных, статусно-функциональных и структурных), значительная часть которых формируется непосредственно в процессе внедрения и затем находится в процессе постоянной содержательной пересборки. В-третьих, необходимо уделять приоритетное внимание анализу различных групп институтогенного сообщества, их ролей и функций на разных этапах трансплантации. При этом важно аналитически «распаковывать» силы поддержки и сопротивления, детализировать состав образующих их социальных групп, особое внимание обращая на группы внешних акторов и на дисперсные сообщества / движения / сети. В-четвертых, целесообразно исследовать процессы массового конструирования ниш трансплантируемых институтов их акторами, исходя из теорий бриколажа, обитаемых институтов и институциональной работы. В-пятых, настала пора активнее изучать коммуникационные поля переносимых извне институтов, структуру и динамику связанных с ними инструментов, каналов, языковых средств, риторики, дискурсов, стратегий и моделей коммуникаций, опираясь на разработки в области нарративной экономики, дискурсивного, риторического и коммуникативного институционализмов. В-шестых, важно использовать ассамбляжное мышление, анализируя взаимодействие заимствуемых и местных институтов как сложную гетероцентричную систему с несводимыми институциональными логиками. В-седьмых, было бы правильно рассматривать возникающие у трансплантируемых институтов отклонения от их прототипов (эталонов) в первую очередь как следствия адаптивных рефункционализаций, а не как трансплантационные дисфункции. В целом, оценивать результаты трансплантаций институтов следовало бы с нормоцентричной (выраженно релятивистской) точки зрения.

В любом случае, расставание с простотой классической теории и, шире, нового институционализма неизбежно: при всей элегантности теоретических построений, заложенный в них редукционизм не позволяет полноценно изучать современные институциональные изменения. Предложенный нами вариант расширенной теории трансплантации институтов является в большей степени эскизом ее перспективной междисциплинарной исследовательской

программы. В данной статье в основу этой программы положены новые теоретические подходы (теории бриколажа и ассамбляжей, конструирования ниши и институтогенных сообществ, комбинаторная концепция институтов и нормоцентричная парадигма), которые относятся к методологии *постинституционализма*, позиционирующегося в качестве альтернативы мейнстримной (новой) институциональной теории. Но это не означает, что продвинутые подходы новой или традиционной (оригинальной) институциональной экономики не могут быть интегрированы в программу расширенной теории. Расширенная теория, на наш взгляд, должна быть антиредукционистской и достаточно эклектичной методологической рамкой, поскольку фокус ее внимания обращен на трансплантацию сложных институтов в условиях роста нередуцируемой институциональной сложности экономических и социальных систем.

Список литературы

Абрамов К. В. (2019). Корпоративное волонтерство: от теории к практике. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-12-02_Corpvolonterstvo.pdf.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // Вопросы экономики. № 10. С. 99-114.

Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Даниелян В. А., Полтерович В. М. (2019). Приключения пенсионной реформы в России: где ошибки? // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 186-194.

Заварзин Г. А., Рожнов С. В. (2011). Рифы в эволюции гео-биологических систем. Постановка проблемы // Рифогенные формации и рифы в эволюции биосферы. – М.: ПИН РАН. С. 4-25.

Казарян К. Р. (ред.) (2018). Интернет в России в 2017 году: Состояние, тенденции и перспективы развития. – М.: Форвард Принт.

Капелюшников Р. И. (2019). Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. № 7. С. 119-146.

Краснопольская И. И. (2012). Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России: сб. лучших практик / под ред. Т. Бачинской. Изд. 2-е. – М.: Центр развития филантропии «Сопричастность». С. 36-42.

Кузьминов Я. и др. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. № 5. С. 5-27.

Оучи У. Г. (1984). Методы организации производства: японский и американский подходы. – М.: Экономика.

Полищук Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. № 8. С. 28-44.

Полищук Л. (2009). Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора // Вопросы экономики. № 10. С. 4-22.

Полтерович В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24-50.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. – М.: Экономика.

Полтерович В. М. (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.

Полтерович В. М., Старков О. Ю. (2005). Создание массовой ипотеки в России: проблема трансплантации. Научный доклад № R2-2005. – СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ.

Радченко Д. А. (2020). Роскомнадзор-тян и другие: перформативные практики фольклорной реакции на блокировки Telegram // *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 24–37.

Серл Дж. (2007). Что такое институт // *Вопросы экономики*. № 8. С. 5–27.

Серто М. де (2013). Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Стрекалова А. С. (2019). Восприятие инноваций в маркетинге территорий: роль стейкхолдерских сообществ // *Журнал экономической теории*. Т. 16, № 2. С. 293–304.

Тамбовцев В. Л. (2020). Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // *Вопросы экономики*. № 4. С. 5–30.

Фролов Д. П. (2020a). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // *Вопросы экономики*. № 5. С. 107–140.

Фролов Д. П. (2020b). От транзакционных издержек – к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму // *Вопросы экономики*. № 8. С. 51–81.

Фуко М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь.

Шаститко А. Е. (2019). «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // *Вопросы экономики*. № 12. С. 90–110.

Шонбергер Р. (1988). Японские методы управления производством (девять простых уроков). – М.: Экономика.

Эггертссон Т. (2011). Знания и теория институциональных изменений // *Вопросы экономики*. № 7. С. 4–16.

Эспань М. (2018). История цивилизаций как культурный трансфер. – М.: Новое литературное обозрение.

Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. (2006). Distance to frontier, selection, and economic growth. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 4, No. 1, pp. 37–74.

Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. – New York: Crown Publishers.

Akerlof G. A., Snower D. J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, Vol. 126 (Part B), pp. 58–71.

Alba R., Kooy M., Bruns A. (2021). Conflicts, cooperation and experimentation: Analysing the politics of urban water through Accra's heterogeneous water supply infrastructure. *Environment & Planning E: Nature and Space* (forthcoming).

Allen J. (2011). Powerful assemblages? *Area*, Vol. 43, No. 2, pp. 154–157.

Andersson T., Liff R. (2018). Co-optation as a response to competing institutional logics: Professionals and managers in healthcare. *Journal of Professions and Organization*, Vol. 5, No. 2, pp. 71–87.

Apter D. A. (1955). *The Gold Coast in Transition*. – Princeton: Princeton University Press.

Baker T., Cook I. R., McCann E., Temenos C., Ward K. (2016). Policies on the Move: The Transatlantic Travels of Tax Increment Financing. *Annals of the American Association of Geographers*, Vol. 106, No. 2, pp. 459–469.

Baker T., McCann E., Temenos C. (2020). Into the ordinary: non-elite actors and the mobility of harm reduction policies. *Policy and Society*, Vol. 39, No. 1, pp. 129–145.

Baker T., Walker C. (eds.) (2019). *Public Policy Circulation: Arenas, Agents and Actions*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

- Bazbauers A. R. (2018). *The World Bank and Transferring Development: Policy Movement through Technical Assistance*. – Cham: Palgrave Macmillan.
- Berge D. M., Torsteinsen H. (2021). *Corporatization in local government: Promoting cultural differentiation and hybridity? Public Administration (forthcoming)*.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.-F. (2003). *The Transplant Effect*. *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 51, No. 1, pp. 163-203.
- Berman E. P. (2012). *Explaining the move toward the market in US academic science: how institutional logics can change without institutional entrepreneurs*. *Theory and Society*, Vol. 41, No. 3, pp. 261-299.
- Bignami F., Zaring D. (eds.) (2016). *Comparative Law and Regulation: Understanding the Global Regulatory Process*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Borén T., Young C. (2021). *Policy mobilities as informal processes: evidence from “creative city” policy-making in Gdańsk and Stockholm*. *Urban Geography (forthcoming)*.
- Boruvka E., Perry J. L. (2020). *Understanding evolving public motivational practices: An institutional analysis*. *Governance*, Vol. 33, No. 3, pp. 565-584.
- Briassoulis H. (2019). *Governance as multiplicity: the Assemblage Thinking perspective*. *Policy Sciences*, Vol. 52, No. 3, pp. 419-450.
- Buchanan J., Chai D., Deakin S. (2014). *Empirical analysis of legal institutions and institutional change: Multiple-methods approaches and their application to corporate governance research*. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 1, pp. 1-20.
- Burchardt M., Swidler A. (2020). *Transplanting institutional innovation: comparing the success of NGOs and missionary Protestantism in sub-Saharan Africa*. *Theory and Society*, Vol. 49, No. 3, pp. 335-364.
- Burt J. et al. (2009). *Are artificial reefs surrogates of natural habitats for corals and fish in Dubai, United Arab Emirates? / J. Burt, A. Bartholomew, P. Usseglio, A. Bauman, P. F. Sale*. *Coral Reefs*, Vol. 28, No. 3, pp. 663-675.
- Callon M. (1984). *Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Briec Bay*. *The Sociological Review*, Vol. 32, No. 1_suppl, pp. 196-233.
- Chang H.-J. (2011). *Institutions and economic development: theory, policy and history*. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 7, No. 4, pp. 473-498.
- Chong A., Gradstein M. (2018). *Imposed institutions and preferences for redistribution*. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 1, pp. 127-156.
- Clarke J. et al. (2015). *Making Policy Move: Towards a Politics of Translation and Assemblage / J. Clarke, D. Bainton, N. Lendvai, P. Stubbs*. Chicago: Policy Press.
- Cleaver F. (2001). *Institutional bricolage, conflict and cooperation in Usangu, Tanzania*. *IDS Bulletin*. Vol. 32, No. 4, pp. 26-35.
- Cleaver F. (2012). *Development through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resources Management*. – New York: Routledge.
- Cleaver F. D., de Koning J. (2015). *Furthering critical institutionalism*. *International Journal of the Commons*, Vol. 9, No. 1, pp. 1-18.
- Cleaver F., Franks T. (2005). *How institutions elude design: river basin management and sustainable livelihoods*. BCID Research Paper No. 12. Bradford: Bradford Centre for International Development.
- Cleaver F., Whaley L. (2018). *Understanding process, power, and meaning in adaptive governance: a critical institutional reading*. *Ecology and Society*, Vol. 23, No. 2, art. 49.
- Cohn M. (2010). *Legal Transplant Chronicles: The Evolution of Unreasonableness and Proportionality Review of the Administration in the United Kingdom*. *American Journal of Comparative Law*, Vol. 58, No. 3, pp. 583-629.
- Collier S. J., Ong A. (2005). *Global Assemblages, Anthropological Problems*. In: Collier S. J., Ong A. (eds.). *Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems*. – Oxford: Blackwell Publishing, pp. 3-21.

Cooper A. F., Stolte C. (2020). Insider and Outsider Strategies of Influence: The BRICS' Dualistic Approach Towards Informal Institutions. *New Political Economy*, Vol. 25, No. 5, pp. 703-714.

Cooper D. (2020). Towards an adventurous institutional politics: The prefigurative 'as if' and the reposing of what's real. *The Sociological Review*, Vol. 68, No. 5, pp. 893-916.

Cooper D., Dhawan N., Newman J. (eds.) (2020). *Reimagining the State: Theoretical Challenges and Transformative Possibilities*. – New York: Routledge.

Cornelissen J. P. et al. (2015). Putting Communication Front and Center in Institutional Theory and Analysis / J. P. Cornelissen, R. Durand, P. C. Fiss, J. C. Lammers, E. Vaara. *Academy of Management Review*, Vol. 40, No. 1, pp. 10-27.

Couyoumdjian J. (2012). Are institutional transplants viable? An examination in light of the proposals by Jeremy Bentham. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 8, No. 4, pp. 489-509.

De Filippi P., Wright A. (2018). *Blockchain and the Law: The Rule of Code*. – Cambridge: Harvard University Press.

De Jong M. (1999). *Institutional Transplantation – How to adopt good transport infrastructure decision-making ideas from other countries?* Doctoral thesis. – Delft: Eburon Publishers.

De Jong M. (2013). China's art of institutional bricolage: Selectiveness and gradualism in the policy transfer style of a nation. *Policy and Society*, Vol. 32, No. 2, pp. 89-101.

De Jong M., Mamadouh V. (2002). Two contrasting perspectives on institutional transplantation. In: M. de Jong, K. Lalenis, V. Mamadouh (eds.). *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, pp. 19-32.

De Jong M., Lalenis K., Mamadouh V. (eds.) (2002). *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Delcour L., Tulmets E. (eds.) (2019). *Policy Transfer and Norm Circulation: Towards an Interdisciplinary and Comparative Approach*. – New York: Routledge.

Denhardt J. V., Denhardt R. B. (2015). The New Public Service Revisited. *Public Administration Review*, Vol. 75, No. 5, pp. 664-672.

Dia M. (1996). *Africa's Management in the 1990s and Beyond: Reconciling Indigenous and Transplanted Institutions*. – Washington: The World Bank.

Dolowitz D., Marsh D. (1996). Who Learns What from Whom: A Review of the Policy Transfer Literature. *Political Studies*, Vol. 44, No. 2, pp. 343-357.

Draude A. (2017). Translation in motion: a concept's journey towards norm diffusion studies. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, Vol. 2, No. 5, pp. 588-605.

Eggertsson T. (2010). Mapping Social Technologies in the Cultural Commons. *Cornell Law Review*, Vol. 95, No. 4, pp. 711-732.

Ekström K. M. (ed.) (2020). *Museum Marketization: Cultural Institutions in the Neoliberal Era*. – London: Routledge.

EURACTIV, Reuters (2021). Lawmakers push for EU due diligence law on environmental, human rights. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/lawmakers-push-for-eu-due-diligence-law-on-environmental-human-rights/>.

Evans M. (2009). Policy Transfer in Critical Perspective. *Policy Studies*, Vol. 30, No. 3, pp. 243-268.

Evans M. (ed.) (2010). *New Directions in the Study of Policy Transfer*. – London: Routledge.

Evans A. (2020). Overcoming the global despondency trap: strengthening corporate accountability in supply chains. *Review of International Political Economy*, Vol. 27, No. 3, pp. 658-685.

- Ferreri S., DiMatteo L. A. (2019). Terminology Matters: Dangers of Superficial Transplantation. *Boston University International Law Journal*, Vol. 37, No. 1, pp. 35-87.
- Fileborn B., Loney-Howes R. (eds.) (2019). *#MeToo and the Politics of Social Change*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Flink T., Kaldewey D. (2018). The new production of legitimacy: STI policy discourses beyond the contract metaphor. *Research Policy*, Vol. 47, No. 1, pp. 14-22.
- Florida R., Kenney M. (1991). Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. *American Sociological Review*, Vol. 56, No. 3, pp. 381-398.
- Florida R., Kenney M. (2001). Transfer and Replication of Organizational Capabilities: Japanese Transplant Organizations in the United States. In: G. Dosi, R. Nelson, S. Winter (eds.). *The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities*. – Oxford: Oxford University Press, pp. 281-307.
- Fox N. J., Alldred P. (2020). Re-assembling climate change policy: Materialism, posthumanism, and the policy assemblage. *The British Journal of Sociology*, Vol. 71, No. 2, pp. 269-283.
- Frankenberg G. (2010). Constitutional transfer: The IKEA theory revisited. *International Journal of Constitutional Law*, Vol. 8, No. 3, pp. 563-579.
- Frolov D. (2021). Blockchain and the institutional complexity: an extended institutional approach. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 17, No. 1, pp. 21-36.
- Gabdulhakov R. (2020). (Con)trolling the Web: Social Media User Arrests, State-Supported Vigilantism and Citizen Counter-Forces in Russia. *Global Crime*, Vol. 21, No. 3-4, pp. 283-305.
- Gestel N. van, Waldorff S. B., Denis J.-L. (2020). (Mis)taking social responsibility? Implementing welfare state reform by private and non-profit organizations. *Public Management Review*, Vol. 22, No. 12, pp. 1739-1759.
- Goldbach T. S. (2019). Why Legal Transplants? *Annual Review of Law and Social Science*, Vol. 15, No. 1, pp. 583-601.
- Gordon T. A. C. et al. (2019). Acoustic enrichment can enhance fish community development on degraded coral reef habitat / T. A. C. Gordon, A. N. Radford, I. K. Davidson, K. Barnes, K. McCloskey, S. L. Nedelec, M. G. Meekan, M. I. McCormick, S. D. Simpson. *Nature Communications*, Vol. 10, Article 5414, pp. 1-7.
- Green S. E., Li Y. (2011). Rhetorical institutionalism: Language, agency, and structure in institutional theory since Alvesson 1993. *Journal of Management Studies*, Vol. 48, No. 7, pp. 1662-1697.
- Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (eds.) (2021). *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. – Cham: Palgrave Macmillan.
- Gunasekaran A., Yusuf Y. Y., Adeleye E. O., Papadopoulos T., Kovvuri D., Geyi D. G. (2019). Agile manufacturing: an evolutionary review of practices. *International Journal of Production Research*, Vol. 57, No. 15-16, pp. 5154-5174.
- Guthey E., Morsing M. (2014). CSR and the Mediated Emergence of Strategic Ambiguity. *Journal of Business Ethics*, Vol. 120, No. 4, pp. 555-569.
- Haas P. M. (1992). Banning Chlorofluorocarbons: Epistemic Community Efforts to Protect Stratospheric Ozone. *International Organization*, Vol. 46, No. 1, pp. 187-224.
- Hadjiisky M., Pal L. A., Christopher W. (eds) (2017). *Public policy transfer: Micro-dynamics and macro-effects*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Hallett T., Hawbaker A. (2019). Bringing Society Back in Again: The Importance of Social Interaction in an Inhabited Institutionalism. In: P. Haack, J. Sieweke, L. Wessel (eds.). *Microfoundations of Institutions*. – Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 317-336.
- Hallett T., Ventresca M. (2006). Inhabited Institutions: Social Interactions and Organizational Forms in Gouldner's "Patterns of Industrial Bureaucracy". *Theory and Society*, Vol. 35, No. 2, pp. 213-236.

Haupt W., Chelleri L., van Herk S., Zevenbergen C. (2020). City-to-city learning within climate city networks: definition, significance, and challenges from a global perspective. *International Journal of Urban Sustainable Development*, Vol. 12, No. 2, pp. 143-159.

Hawkins D. (2019). Scientists used loudspeakers to make dead coral reefs sound healthy. Fish flocked to them. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2019/12/01/scientists-used-loudspeakers-make-dead-coral-reefs-sound-healthy-fish-flocked-them/>.

Hiraoka L. S. (1989). Japanese automobile manufacturing in an American setting. *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 35, No. 1, pp. 29-49.

Hogan A., Thompson G. (2019). The quasi-marketization of Australian public schooling: affordances and contradictions of the new work order. *Asia Pacific Journal of Education*, Vol. 39, No. 3, pp. 391-403.

Irazábal C. (2012). Beyond “Latino New Urbanism”: advocating ethnurbanisms. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, Vol. 5, No. 2-3, pp. 241-268.

Johnson B., Hagström B. (2005). The Translation Perspective as an Alternative to the Policy Diffusion Paradigm: The Case of the Swedish Methadone Maintenance Treatment. *Journal of Social Policy*, Vol. 34, No. 3, pp. 365-388.

Julian B., Noble J., Anslow C. (2019). Agile Practices in Practice: Towards a Theory of Agile Adoption and Process Evolution. In: Kruchten P., Fraser S., Coallier F. (eds.). *Agile Processes in Software Engineering and Extreme Programming. 20th International Conference, XP 2019, Montréal, May 21-25, 2019 Proceedings*. – Cham: Springer, pp. 3-18.

Kaplan R., Kinderman D. (2019). The business-class case for corporate social responsibility: mobilization, diffusion, and institutionally transformative strategy in Venezuela and Britain. *Theory and Society*, Vol. 48, No. 1, pp. 131-166.

Knorr Cetina K. (2015). What is a Financial Market? Global Markets as Media-Institutional Forms. In: Aspers P., Dodd N. (eds.). *Re-Imagining Economic Sociology*. Oxford: Oxford University Press, pp. 103-125.

Koppenjan J., de Jong M. (2018). The introduction of public-private partnerships in the Netherlands as a case of institutional bricolage: The evolution of an Anglo-Saxon transplant in a Rhineland context. *Public Administration*, Vol. 96, No. 1, pp. 171-184.

Kramer A. M. (2020). Why Africa’s ‘weak states’ matter: A postcolonial critique of Euro-Western discourse on African statehood. In: Cooper D., Dhawan N., Newman J. (eds.) (2020). *Reimagining the State: Theoretical Challenges and Transformative Possibilities*. – New York: Routledge, pp. 79-96.

Ladi S., Tsarouhas D. (2020). EU economic governance and Covid-19: policy learning and windows of opportunity. *Journal of European Integration*, Vol. 42, No. 8, pp. 1041-1056.

Laland K. N., Uller T., Feldman M. W., Sterelny K., Muller G. B., Moczek A., Jablonka E., Odling-Smee J. (2015). The extended evolutionary synthesis: Its structure, assumptions and predictions. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, Vol. 282, No. 1813, pp. 1–14.

Lapiente V, Van de Walle S. (2020). The effects of new public management on the quality of public services. *Governance*, Vol. 33, No. 3, pp. 461-475.

Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Lawrence T. B., Leca B., Zilber T. B. (2013). Institutional work: Current research, new directions and overlooked issues. *Organization Studies*, Vol. 34, No. 8, pp. 1023–1033.

Lawrence T., Suddaby R., Leca B. (2011). Institutional work: Refocusing institutional studies of organization. *Journal of Management Inquiry*, Vol. 20, No. 1, pp. 52-58.

Legrand P. (2001). What Legal Transplants? In: D. Nelken, J. Feest (eds.). *Adapting Legal Cultures*. – Oxford: Hart.

- Legrand T. (2021). *The Architecture of Policy Transfer: Ideas, Institutions and Networks in Transnational Policymaking*. – Cham: Palgrave Macmillan.
- Lehtonen P. (2021). Policy on the move: the enabling settings of participation in participatory budgeting. *Policy Studies* (forthcoming).
- Li Y., Green S. E., Hirsch P. M. (2018). Rhetoric and Authority in a Polarized Transition: The Case of China's Stock Market. *Journal of Management Inquiry*, Vol. 27, No. 1, pp. 69-95.
- Linde Ch. (2009). *Working the Past: Narrative and Institutional Memory*. – New York: Oxford University Press.
- Loewenstein J., Ocasio W., Jones C. (2012). Vocabularies and Vocabulary Structure: A New Approach Linking Categories, Practices, and Institutions. *Academy of Management Annals*, Vol. 6, No. 1, pp. 41-86.
- Lounsbury M., Crumley E. T. (2007). New Practice Creation: An Institutional Perspective on Innovation. *Organization Studies*, Vol. 28, No. 7, pp. 993-1012.
- Lounsbury M., Gehman J., Glynn M. A. (2019). Beyond Homo Entrepreneurus: Judgment and the Theory of Cultural Entrepreneurship. *Journal of Management Studies*, Vol. 56, No. 6, pp. 1214-1236.
- Lovell H. (2019). Policy failure mobilities. *Progress in Human Geography*, Vol. 43, No. 1, pp. 46-63.
- Mannion R., Exworthy M. (2017). (Re) Making the Procrustean Bed? Standardization and Customization as Competing Logics in Healthcare. *International Journal of Health Policy and Management*, Vol. 6, No. 6, pp. 301-304.
- March J. G., Olsen J. P. (1989). *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. – New York: Free Press.
- Marsh D., Sharman J. C. (2009). Policy diffusion and policy transfer. *Policy Studies*, Vol. 30, No. 3, pp. 269-288.
- Maseland R. (2018). Is colonialism history? The declining impact of colonial legacies on African institutional and economic development. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 2, pp. 259-287.
- Mavrot C. (2017). Concerted horizontal policy transfer: how local action can drive national compliance to international norms. In: Hadjiisky M., Pal L. A., Christopher W. (eds). *Public policy transfer: Micro-dynamics and macro-effects*. – Cheltenham: Edward Elgar, pp. 101-124.
- McCann E., Ward K. (2012). Policy assemblages, mobilities and mutations: Toward a multidisciplinary conversation. *Political Studies Review*, Vol. 10, No. 3, pp. 325-332.
- McCann E., Ward K. (2013). A Multi-Disciplinary Approach to Policy Transfer Research: Geographies, Assemblages, Mobilities and Mutations. *Policy Studies*, Vol. 34, No. 1, pp. 2-18.
- McDonald A. F. (2019). Framing #MeToo: Assessing the Power and Unintended Consequences of a Social Media Movement to Address Sexual Assault. In: O'Donohue W. T., Schewe P. A. (eds.). *Handbook of Sexual Assault and Sexual Assault Prevention*. – Cham: Springer, pp. 79-108.
- McKague K., Oliver C. (2016). Network Bricolage as the Reconciliation of Indigenous and Transplanted Institutions in Africa. *Africa Journal of Management*, Vol. 2, No. 3, pp. 300-329.
- McNeill W. H. (2009). *The Rise of the West: A History of the Human Community*. 3rd rev. ed. – Chicago: University of Chicago Press.
- Mehaffy M. W., Haas T. (2020). New Urbanism in the New Urban Agenda: Threads of an Unfinished Reformation. *Urban Planning*, Vol. 5, No. 4, pp. 441-452.
- Meyer R. E., Vaara E. (2020). Institutions and Actorhood as Co-Constitutive and Co-Constructed: The Argument and Areas for Future Research. *Journal of Management Studies*, Vol. 57, No. 4, pp. 898-910.

- Mezzich J. E. (2007). Psychiatry for the person: Articulating medicine's science and humanism. *World Psychiatry*, Vol. 6, No. 2, pp. 65-67.
- Miao J. T. (2018). Parallelism and evolution in transnational policy transfer networks: the case of Sino-Singapore Suzhou Industrial Park (SIP). *Regional Studies*, Vol. 52, No. 9, pp. 1191-1200.
- Mikulewicz M., Taylor M. (2020). Getting the Resilience Right: Climate Change and Development Policy in the 'African Age'. *New Political Economy*, Vol. 25, No. 4, pp. 626-641.
- Milhorance C. (2019). *New Geographies of Global Policy-Making: South-South Networks and Rural Development Strategies*. New York: Routledge.
- Miller S. (2019). Social Institutions. In: Zalta E. N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions>.
- Mills K. A., Hamer P. A., Quinn G. P. (2017). Artificial reefs create distinct assemblages: a study of fish assemblage response to the deployment of artificial patch reefs. *Marine Ecology Progress Series*, Vol. 585, pp. 155-173.
- Mittelman J. H. (2013). Global Bricolage: emerging market powers and polycentric governance. *Third World Quarterly*, Vol. 34, No. 1, pp. 23-37.
- Moore S. (2013). What's Wrong with Best Practice? Questioning the Typification of New Urbanism. *Urban Studies*, Vol. 50, No. 11, pp. 2371-2387.
- Moore S., Trudeau D. (2020). New Urbanism: From Exception to Norm – The Evolution of a Global Movement. *Urban Planning*, Vol. 5, No. 4, pp. 384-387.
- Mukhtarov F. (2018). Reflexivity, positionality and normativity in the ethnography of policy translation. In: Berger T., Esguerra A. (eds.). *World Politics in Translation: Power, Relationality, and Difference in Global Cooperation*. – London: Routledge, pp. 114-131.
- Muller J. Z. (2018). *The Tyranny of Metrics*. Princeton: Princeton University Press.
- North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunn A. (2020). Neoliberalization, fast policy transfer and the management of labor market services. *Review of International Political Economy*, Vol. 27, No. 4, pp. 949-969.
- O' Toole J. (2018). Institutional storytelling and personal narratives: reflecting on the 'value' of narrative inquiry. *Irish Educational Studies*, Vol. 37, No. 2, pp. 175-189.
- Ogg J. T. (2015). *Preventive Justice and the Power of Policy Transfer*. New York: Palgrave Macmillan.
- Olsen J. P. (2000). How, then, does one get there? An institutionalist response to Herr Fischer's vision of a European federation. In: C. Joerges, Y. Mény, J. H. H. Weiler (eds.). *What Kind of Constitution for What Kind of Polity?* – Florence: EUI, pp. 163-179.
- Pal L. A. (2014). Introduction: The OECD and Policy Transfer: Comparative Case Studies. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, Vol. 16, No. 3, pp. 195-200.
- Park C., Lee J., Wilding M. (2017). Distorted policy transfer? South Korea's adaptation of UK social enterprise policy. *Policy Studies*, Vol. 38, No. 1, pp. 39-58.
- Park C., Wilding M., Chung C. (2014). The Importance of Feedback: Policy Transfer, Translation and the Role of Communication. *Policy Studies*, Vol. 35, No. 4, pp. 397-412.
- Paxton A. B. et al. (2019). Artificial reefs facilitate tropical fish at their range edge / A. B. Paxton, C. H. Peterson, J. C. Taylor, A. M. Adler , E. A. Pickering, B. R. Silliman. *Communications Biology*, Vol. 2, Art. 168, pp. 1-7.
- Paxton A. B. et al. (2020). Meta-Analysis Reveals Artificial Reefs Can Be Effective Tools for Fish Community Enhancement but Are Not One-Size-Fits-All / A. B. Paxton, K. W. Shertzer, N. M. Bacheler, Kellison G. T., Riley K. L., Taylor J. C. *Frontiers in Marine Science*, Vol. 7, Art. 282, pp. 1-11.
- Peck J. (2011). Geographies of Policy: From Transfer-Diffusion to Mobility-Mutation. *Progress in Human Geography*, Vol. 35, No. 6, pp. 773-797.

- Peck J., Theodore N. (2012). *Following the Policy: A Distended Case Approach*. *Environment and Planning A*, Vol. 44, No. 1, pp. 21-30.
- Peck J., Theodore N. (2015). *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. – Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pemer F., Skjølvsvik T. (2018). Adopt or Adapt? Unpacking the Role of Institutional Work Processes in the Implementation of New Regulations. *Journal of Public Administration Research and Theory*, Vol. 28, No. 1, pp. 138-154.
- Pietilä M., Pinheiro R. (2021). Reaching for different ends through tenure track – institutional logics in university career systems. *Higher Education*, Vol. 81, No. 6, pp. 1197-1213.
- Pil F. K., MacDuffie J. P. (1999a). Transferring Competitive Advantage across Borders: A Study of Japanese Auto Transplants in North America. In: J. K. Liker, W. M. Fruin, P. S. Adler (eds.). *Remade in America: Transplanting and Transforming Japanese Management Systems*. – Oxford: Oxford University Press, pp. 39-74.
- Pil F. K., MacDuffie J. P. (1999b). What Makes Transplants Thrive: Managing The Transfer Of “Best Practice” At Japanese Auto Plants In North America. *Journal of World Business*, Vol. 34, No. 4, pp. 372-391.
- Pollitt C., van Thiel S., Homburg V. (eds.) (2007). *New Public Management in Europe: Adaptation and Alternatives*. – New York: Palgrave Macmillan.
- Porto de Oliveira O. (2020). Policy ambassadors: human agency in the transnationalization of Brazilian social policies. *Policy and Society*, Vol. 39, No. 1, pp. 53-69.
- Porto de Oliveira O. (ed.) (2021). *Handbook of Policy Transfer, Diffusion and Circulation*. – Cheltenham: Edward Elgar.
- Prince R. (2017). Local or global policy? Thinking about policy mobility with assemblage and topology. *Area*, Vol. 49, No. 3, pp. 335-341.
- Reiter R., Klenk T. (2019). The manifold meanings of ‘post-New Public Management’ – a systematic literature review. *International Review of Administrative Sciences*, Vol. 85, No. 1, pp. 11-27.
- Rodrik D. (2008). Second-Best Institutions. *American Economic Review*, Vol. 98, No. 2, pp. 100-104.
- Röper N. (2021). Between substantive and symbolic influence: diffusion, translation and bricolage in German pension politics. *Review of International Political Economy* (forthcoming).
- Savage G. C. (2020). What is policy assemblage? *Territory, Politics, Governance*, Vol. 8, No. 3, pp. 319-335.
- Scalise G. (2020). *The Political Economy of Policy Ideas: The European Strategy of Active Inclusion in Context*. – Cham: Palgrave Macmillan.
- Schilling-Vacaflor A. (2021). Putting the French Duty of Vigilance Law in Context: Towards Corporate Accountability for Human Rights Violations in the Global South?. *Human Rights Review*, Vol. 22, No. 1, pp. 109-127.
- Schlaile M. P. (ed.) (2021). *Memetics and Evolutionary Economics: To Boldly Go Where no Meme has Gone Before*. – Cham: Springer.
- Schmidt V. A. (2019). Where Might the Next Generation of Progressive Ideas and Programmes Come From? Contemporary Discontents, Future Possibilities for Europe. In: Diamond P. (ed.). *The Crisis of Globalization: Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century*. – London: I. B. Tauris, pp. 167-186.
- Scott W. R. (2010). Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change. *Journal of Change Management*, Vol. 10, No. 1, pp. 5-21.
- Scott W. R. (2014). *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*. 4th ed. – London: SAGE.
- Searle J. R. (2008). *Philosophy in a New Century: Selected Essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

Seidler V. (2014). When do institutional transfers work? The relation between institutions, culture and the transplant effect: The case of Borno in north-eastern Nigeria. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 3, pp. 371-397.

Seidler V. (2018). Copying informal institutions: the role of British colonial officers during the decolonization of British Africa. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 2, pp. 289-312.

Shefer I. (2019). Policy transfer in city-to-city cooperation: implications for urban climate governance learning. *Journal of Environmental Policy & Planning*, Vol. 21, No. 1, pp. 61-75.

Shenkar O., Luo Y., Yeheskel O. (2008). From "distance" to "friction": Substituting metaphors and redirecting intercultural research. *The Academy of Management Review*, Vol. 33, No. 4, pp. 905-923.

Shiller R. J. (2019). *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. – Princeton: Princeton University Press.

Shu E., Lewin A. Y. (2017). A Resource Dependence Perspective on Low-Power Actors Shaping Their Regulatory Environment: The Case of Honda. *Organization Studies*, Vol. 38, No. 8, pp. 1039-1058.

Silova I., Rappleye J., Auld E. (2020). Beyond the Western Horizon: Rethinking Education, Values, and Policy Transfer. In: Fan G., Popkewitz T. (eds). *Handbook of Education Policy Studies: Values, Governance, Globalization, and Methodology*. Vol. 1. Singapore: Springer, pp. 3-29.

Skelcher C., Smith S. R. (2015). Theorizing Hybridity: Institutional Logics, Complex Organizations, and Actor Identities: The Case of Non-Profits. *Public Administration*, Vol. 93, No. 3, pp. 433-448.

Spitz A. (1966). Democratic Transplantation: The Case of Land Policy in Hawaii. *Land Economics*, Vol. 42, No. 4, pp. 473-484.

Stein C. et al. (2017). Learning from failed policy mobilities: Contradictions, resistances and unintended outcomes in the transfer of "Business Improvement Districts" to Germany / C. Stein, B. Michel, G. Glasze, R. Pütz. *European Urban and Regional Studies*, Vol. 24, No. 1, pp. 35-49.

Stone D. (2012). Transfer and Translation of Policy. *Policy Studies*, Vol. 33, No. 6, pp. 483-499.

Stone D. (2017). Understanding the transfer of policy failure: Bricolage, experimentalism and translation. *Policy & Politics*, Vol. 45, No. 1, pp. 55-70.

Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L. A. (2020). Transnational policy transfer: the circulation of ideas, power and development models. *Policy and Society*, Vol. 39, No. 1, pp. 1-18.

Talen E. (ed.) (2019). *A Research Agenda for New Urbanism*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012). *The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure, and Process*. – Oxford: Oxford University Press.

Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. (2015). The institutional logics perspective. In: Scott R. A., Kosslyn S. M. (eds.). *Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource*. – New York: Wiley, pp. 1-22.

Torfinn J., Guy Peters B., Pierre J., Sorensen E. (eds.) (2012). *Interactive Governance: Advancing the Paradigm*. – New York: Oxford University Press.

Tripp J. F., Armstrong D. J. (2018). Agile Methodologies: Organizational Adoption Motives, Tailoring, and Performance. *Journal of Computer Information Systems*, Vol. 58, No. 2, pp. 170-179.

Veblen T. (1898). Why is Economics not an Evolutionary Science? *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 12, No. 4, pp. 373-397.

Voigt S. (2013). How (Not) to measure institutions. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 9, No. 1, pp. 1-26.

- Vukasovic M., Huisman J. (2018). Europeanization, Policy Transfer or Domestic Opportunity? Comparison of European Impact in Higher Education Policy. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, Vol. 20, No. 3, pp. 269-287.
- Walton F. P. (1927). The Historical School of Jurisprudence and Transplantations of Law. *Journal of Comparative Legislation and International Law*, Vol. 9, No. 4, pp. 183-192.
- Ward K. (2018). Policy mobilities, politics and place: The making of financial urban futures. *European Urban and Regional Studies*, Vol. 25, No. 3, pp. 266-283.
- Watson A. (1974). *Legal transplants: an approach to comparative law*. – Edinburgh: Scottish Academic Press.
- Whyte W. F. (1968). Imitation or Innovation: Reflections on the Institutional Development of Peru. *Administrative Science Quarterly*, Vol. 13, No. 3, pp. 370-385.
- Windwehr J., Fischer T. (2021). *The Limits of Change: German Family Policy and the Dynamics of Policy Transfer 2009–2017*. *German Politics* (forthcoming).
- Wollack K., Hubli K. S. (2010). Democracy Support and Development Aid: Getting Convergence Right. *Journal of Democracy*, Vol. 21, No. 4, pp. 35-42.
- World Bank (2020). *The Next Generation Africa Climate Business Plan: Ramping Up Development-Centered Climate Action*. – Washington: World Bank.
- Yates J. S., Harris L. M. (2018). Hybrid regulatory landscapes: The human right to water, variegated neoliberal water governance, and policy transfer in Cape Town, South Africa, and Accra, Ghana. *World Development*, Vol. 110, pp. 75-87.
- Yoo D., Steckel R. (2016). Property rights and economic development: The legacy of Japanese colonial institutions. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 12, No. 3, pp. 623-650.
- Zaki B. L., Wayenberg E. (2021). Shopping in the scientific marketplace: COVID-19 through a policy learning lens. *Policy Design and Practice*, Vol. 4, No. 1, pp. 15-32.
- Zasa F. P., Patrucco A., Pellizzoni E. (2021). Managing the Hybrid Organization: How Can Agile and Traditional Project Management Coexist? *Research-Technology Management*, Vol. 64, No. 1, pp. 54-63.